С. К. Гиль

Шесть лет с В. И. Лениным

Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина

молодая гвардия
1957

С. К. Гиль

Шесть лет с В. И. Лениным

Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина

Издание второе, переработанное и дополненное

№ 320

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1957

Литературная запись А. ВЕРБИЦКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не случайно воспоминания личного шофера Ленина тов. С. К. Гиля выходят вторым, расширенным изданием. Несомненно, что для всех нас особенно дороги воспоминания современников Владимира Ильича, имевших счастье лично с ним общаться. Тов. Гиль в течение шести лет имел возможность общения с Владимиром Ильичем в великие по своей значимости, бурные и грозные зачинательные годы Красного Октября. Хотя т. Гилю по его профессиональным обязанностям приходилось наблюдать Владимира Ильича главным образом во время его отдыха, но отдых Ленина был всегда активным, весьма характерным для разгадки исключительной обаятельности этого человека, судьба которого оказалась столь решающей для судеб всего прогрессивного человечества. Вот почему от записок тов. С. К. Гиля трудно оторваться: благодарная память т. Гиля сохранила для всех нас в такой свежей отчетливости многие черты и черточки Владимира Ильича, что, пробегая строчки воспоминаний, как бы общаешься с Владимиром Ильичем, а ведь это для всех нас, лично знавших В. И., всегда было самой большой и великой по своему значению радостью.

Думаю, что для широчайшего круга читателей записки тов. Гиля представят особый интерес и потому, что они нагляд-

но показывают, как воспринимал трудовой народ пламенную активность Владимира Ильича.

Нельзя без глубокого волнения читать те страницы воспоминаний т. Гиля, в которых рассказывается о покушении на жизнь Владимира Ильича на заводе Михельсона или о последних проводах в Горках... Каким горячим чувством они пронизаны и как близко это чувство для честного трудового народа всего мира.

Академик Г. Кржижановский,
член КПСС с 1893 года

ОТ АВТОРА

Много воды утекло с того дня, как перестало биться сердце Владимира Ильича Ленина, но в памяти все еще свежи воспоминания об этом великом и чудесном человеке, видеть и наблюдать которого мне посчастливилось на протяжении шести с лишним лет — с первых дней Великого Октября и до последнего дня жизни Ильича. До сих пор я слышу его голос, вижу его жесты, походку, улыбку, ощущаю рукопожатие.

Я приступаю к своим воспоминаниям с чувством большой ответственности перед читателями: смогу ли я точно и достаточно ярко воскресить в памяти все то, что наблюдал более тридцати лет назад, удастся ли с достаточной полнотой изложить все виденное и слышанное, не упуская важные и интересные эпизоды, характеризующие облик незабвенного Владимира Ильича?

На помощь приходят ранее опубликованные воспоминания о В. И. Ленине, старые записи, документы и фотографии.

Мне довелось видеть Владимира Ильича главным образом в поездках и домашней обстановке, среди

родных, в общении с рабочими и крестьянами, студентами и военными, со стариками и детьми. Об этом я и попытаюсь рассказать.

Хочется также рассказать, как отдыхал и развлекался в свободные часы этот неутомимый труженик.

К сожалению, в памяти не сохранились все ленинские шутки, острые словечки и каламбуры, которыми была так богата его обычная речь. Сколько юмора, удивительной меткости и остроумных реплик содержали его публичные выступления, беседы, простые рассказы!

И хотя мои наблюдения, естественно, были ограничены известными пределами, я все же буду стремиться к тому, чтобы мои воспоминания явились полезным и нужным вкладом в литературу о Владимире Ильиче.

Буду счастлив, если читатель почерпнет из моей книжки что-то новое и интересное о великом Ленине — создателе и вожде первого в мире социалистического государства.

С. Гиль

Москва, сентябрь 1956 г.

ПЕРВОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Мое знакомство с Владимиром Ильичем произошло на третий день после Октябрьского переворота — 9 ноября 1917 года.

Вышло это так. Я работал в Петрограде в одном из крупных гаражей. Вечером 8 ноября меня вызвали в профессиональную организацию работников гаража и заявили:

— Товарищ Гиль, выбирай в своем гараже машину получше и отправляйся утром к Смольному. Будешь работать шофером товарища Ленина!

От неожиданности я на время лишился языка. Имя Ленина было в то время у всех на устах. Питерские рабочие, которым посчастливилось услышать или увидеть Ленина, с гордостью рассказывали об этом, как о великом событии в своей жизни. И вдруг меня, беспартийного, — к Ленину в шоферы!

— Ну как, согласен? — спросили в комитете, видя мое замешательство.

— Конечно, согласен! — ответил я, хотя был охвачен сомнением: справлюсь ли я, не берусь ли за непосильное дело?

Но сомнение длилось недолго. Я был молод, полон энергии, отлично владел своей профессией. Октябрьскую революцию встретил с восторгом.

Я обещал оправдать доверие и ушел домой.

Все же меня всю ночь мучила тревога. Я мысленно готовился к первой встрече с Лениным.

Ровно в 10 часов утра мой лимузин «Тюрка-Мери» стоял уже у главного подъезда Смольного. Приближалась первая встреча с Лениным.

Небольшая площадь у Смольного представляла собой пеструю, оживленную картину. Стояло множество автомобилей и грузовиков. Тут же стояло несколько орудий и пулеметов. Кругом сновали вооруженные рабочие и солдаты. Были молодые, почти подростки, были и пожилые, бородачи. Все были возбуждены, суетились, куда-то торопились... Шум стоял невероятный.

В эти дни Петроград жил тревожной и лихорадочной жизнью. Боевые отряды рабочих и солдат двигались по всем направлениям. На улицах не смолкала беспорядочная стрельба, иногда слышались залпы, на которые, впрочем, мало кто обращал внимание.

Я сидел за рулем автомобиля и ждал. Какой-то человек в штатском приблизился ко мне и спросил:

— Вы к Ленину?

Получив утвердительный ответ, он добавил:

— Заводите машину, сейчас выйдет.

Через несколько минут на лестнице Смольного по-

казались три человека: двое — крупного роста, из них один в военной форме, и третий — невысокий, в черном пальто с каракулевым воротником и шапке-ушанке. Они направились ко мне.

В голове пронеслась мысль: кто из них Ленин? К машине первым подошел невысокий в черном пальто, быстрым движением открыл дверцу моей кабины и сказал:

— Здравствуйте, товарищ! Как ваша фамилия?

— Гиль, — ответил я.

— Будем знакомы, товарищ Гиль, — и он протянул мне руку, — вы будете со мной ездить.

Он приветливо заглянул мне в глаза и улыбнулся. Первое впечатление, говорят, врезается в память на всю жизнь, и ни время, ни события не способны его выветрить. Это верно. Первого рукопожатия и первых слов Владимира Ильича мне не забыть никогда.

Усевшись в автомобиле со своими спутниками, Владимир Ильич попросил свезти его в Соляной городок. Там происходило большое собрание рабочих и интеллигенции.

Подъехав к месту, Владимир Ильич вышел из машины и быстро направился к собранию. Толпа узнала Ленина. Со всех сторон раздались возгласы: «Ленин приехал! Ленин!»

Выступление Владимира Ильича было встречено овацией; речь его часто прерывалась бурей аплодисментов, заглушавших отдельные выкрики врагов советской власти — меньшевиков и эсеров, — присутствовавших на собрании.

На обратном пути Владимир Ильич сел рядом со мною. Изредка я бросал на него взгляды. Несмотря

на только что пережитое возбуждение, он был спокоен и немного задумчив.

Подъехав к Смольному, Владимир Ильич быстро вышел из машины и сказал:

— Пойдите, товарищ Гиль, закусите, выпейте чайку, я задержусь здесь еще. Ну, пока!

Это короткое «ну, пока!» Ленин неизменно говорил всякий раз, покидая автомобиль.

Так началось мое знакомство с Владимиром Ильичем Лениным, так началась моя работа при нем, продолжавшаяся до последних дней его жизни.

Вскоре, однако, произошло событие, временно прервавшее мою работу при Ленине.

Однажды в полдень, возвращаясь с какой-то поездки, я подвез Владимира Ильича к зданию Смольного. Владимир Ильич отправился к себе; я же пошел в свою комнату завтракать. За машину я был вполне спокоен: я оставил ее по обыкновению у главного подъезда Смольного, во дворе, охраняемом круглые сутки красногвардейцами и вооруженными рабочими. Выехать со двора можно было, только имея специальный пропуск. Автомобиль Ленина знали все красногвардейцы.

Прошло менее получаса, я еще не допил свой чай, как в комнату вбежал кто-то из товарищей и крикнул:

— Бегите вниз! Угнали машину Ленина!

Я опешил... Угнать машину со двора Смольного, среди белого дня, на глазах у охраны! Нет, это какая-то ошибка!

— Уверяю вас, товарищ Гиль, машины нет...

Я помчался вниз, к тому месту, где полчаса назад оставил автомобиль. Увы, это оказалось правдой: машина действительно исчезла. Меня охватило воз-

мущение и отчаяние. Это был беспримерный по своей наглости воровской поступок.

Я бросился к красногвардейцам и узнал, что минут пятнадцать назад машина Ленина беспрепятственно выехала со двора: сидевший за рулем предъявил, как потом выяснилось, подложный пропуск и умчал машину в неизвестном направлении.

«Как воспримет эту новость Владимир Ильич? — подумалось мне. — Ведь скоро снова ехать надо! Что будет?»

Я отправился к управляющему делами Совнаркома. Узнав о случившемся, он схватился за голову.

— Угнали! Что я скажу Владимиру Ильичу?

И прибавил категорически:

— Докладывать не буду. Идите сами.

Сознаюсь, меня не восхищала такая перспектива. Но Бонч-Бруевич открыл дверь кабинета, и я очутился перед Лениным. Мой вид, очевидно, не предвещал ничего радостного.

— Это вы, товарищ Гиль? Что случилось?

Я стал рассказывать. Владимир Ильич терпеливо выслушал меня, не перебивая, без тени раздражения. Затем сощурил глаза, поморщился и начал прохаживаться по комнате. Он был явно огорчен.

— Безобразнейший факт, — сказал он наконец. — Вот что, товарищ Гиль: машину надо найти. Ищите ее, где хотите. Пока не найдете, со мной будет ездить другой.

Это было суровое наказание. Меня мучило сознание, что я не оправдал доверия Владимира Ильича. Кроме того, я испытывал чувство, очень похожее на ревность: ведь автомобиль может исчезнуть навсегда и место личного шофера Ленина тогда займет дру-

гой... Но больше всего угнетала мысль, что из-за моей оплошности Владимир Ильич остался без машины, к которой привык.

Было мало надежды отыскать машину в огромном Петрограде. Охрана города была не налажена, врагов и просто жуликов было множество. В те дни практиковался простой способ угона машин: украденный автомобиль переправлялся в Финляндию, а там без труда продавался.

Я забил тревогу. Надо было первым делом устранить возможность переправы автомобиля в Финляндию. На мостах и проездах была поставлена охрана. Начались энергичные поиски, не давшие, однако, в первые дни никаких результатов. Машину Ленина не удавалось найти.

С рассвета до ночи я был на ногах, обошел и объездил многие районы Петрограда. Несмотря на трудности поисков, я не терял надежды снова увидеть свой лимузин «Тюрка-Мери».

В моих розысках мне помогали чекисты, красногвардейцы и знакомые шоферы. Долгое время наши действия были похожи на поиски иголки в стоге сена.

Наконец удалось напасть на след, и наши розыски увенчались успехом. Автомобиль был обнаружен на окраине города, в сарае одной из пожарных команд. Машина была хорошо запрятана и завалена рухлядью.

В тот же день были найдены и арестованы организаторы этого наглого воровства. Они оказались работниками той же пожарной команды. Их план был задуман довольно хитро: выждать, пока прекратятся поиски, затем перекрасить автомобиль и угнать в Финляндию.

Машина оказалась почти без повреждений. Я сел в нее и во весь дух понесся к Смольному. Счастливый, вбежал я к Бонч-Бруевичу:

— Владимир Дмитриевич, полная победа! Машина найдена и стоит внизу!

Бонч-Бруевич обрадовался не меньше, чем я.

— Пойдемте вместе докладывать Владимиру Ильичу, — сказал он.

Увидя нас, Владимир Ильич сразу понял, с чем мы явились.

— Ну, поздравляю вас, товарищ Гиль, — сказал Ильич, как только мы вошли в кабинет. — Нашли, ну и прекрасно! Будем снова ездить вместе.

Я вернулся к своим обязанностям.

ПОКУШЕНИЕ НА В. И. ЛЕНИНА

В первой половине марта 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву.

В первые месяцы Владимир Ильич иногда разрешал себе удовольствие: после напряженного дня в одиночку, без охраны, гулять по затихшим от суголоки московским улицам.

Однажды в полночь Ленин приехал к зубному врачу на Чистые пруды. Выходя из машины, он сказал мне:

— Поезжайте домой, машина мне не нужна.

Но я не уехал и, стоя в отдалении, ждал Ильича. Вскоре он вышел и, не замечая меня, медленно пошел по Мясницкой улице (ныне Кировской) в сторону Кремля. Я следовал за ним на расстоянии, не выпуская его из виду.

Идет по улице Владимир Ильич, смотрит по сторонам, останавливается у витрин магазинов, у объявлений и театральных афиш. Прохожие не замечают его

Двое мужчин остановились, и я услышал голос:

— Смотри — никак Ленин! — и глядят ему вслед. — Ей-богу, Ленин!

А Владимир Ильич все шел и шел не торопясь. Так и дошел он до ворот Кремля и исчез во тьме.

А на следующий день он делился впечатлениями о вчерашней ночной прогулке: с удовольствием погулял!

...Шел 1918 год. Очень тревожное было время. Советская Россия жила лихорадочной и донельзя напряженной жизнью, — жизнью страны в первый год величайшей в мире революции.

В стране был жестокий голод. После только что закончившейся империалистической войны началась гражданская война. Рабочие и крестьяне, уставшие и изголодавшиеся, сражались на фронтах, отстаивая грудью завоевания Великой Октябрьской социалистической революции от контрреволюционных армий и интервентов. Белогвардейцы бросали бомбы из-за угла, устраивали восстания, покушения. Их пули отняли у революции Володарского и Урицкого.

В те дни Владимир Ильич почти ежедневно выезжал на многолюдные открытые митинги. Проходили они на заводах, фабриках, площадях, в военных частях. Случалось, что Ленин в течение одного дня выступал на двух-трех митингах.

Митинги были открытые в буквальном смысле слова: ворота предприятий, где они происходили, были широко распахнуты для всех и каждого. Больше того: у ворот вывешивались огромные плакаты

с гостеприимным приглашением посетить митинг, на котором выступит с речью Ленин.

Жизнь Владимира Ильича по нескольку раз в день подвергалась смертельной опасности. Эта опасность усугублялась еще тем, что Владимир Ильич категорически отказывался от какой бы то ни было охраны. При себе он никогда не носил оружия (если не считать крошечного браунинга, из которого он ни разу не стрелял) и просил меня также не вооружаться. Однажды, увидев у меня на поясе наган в кобуре, он ласково, но достаточно решительно сказал:

— К чему вам эта штука, товарищ Гиль? Уберите-ка ее подальше!

Однако револьвер я продолжал носить при себе, хотя тщательно скрывал его от Владимира Ильича. Наган находился у меня под рубашкой за поясом, без кобуры.

В тот роковой день — 30 августа 1918 года — мы совершили с Владимиром Ильичем несколько выездов. Побывали уже на Хлебной бирже, где состоялся митинг. Народу собралось очень много. Владимир Ильич выступил по обыкновению с большой и горячей речью. Никто не подозревал, что уже здесь, на Хлебной бирже, за Лениным шла слежка и готовилось покушение. Это выяснилось через несколько дней на следствии.

Часов в шесть вечера мы покинули Хлебную биржу и поехали на завод бывший Михельсона, на Серпуховской улице. На этом заводе мы бывали и раньше несколько раз.

Владимир Ильич был спокоен, ровен, как всегда, только иногда озабоченно щурил глаза и морщил лоб. И неудивительно! Этот день был у него особенно

занят. Утром — прием в Совете Народных Комиссаров, затем — совещание, за ним — только что состоявшийся митинг, после него — другой митинг, куда мы мчались, а через два часа в кабинете Ильича должно было начаться под его председательством заседание Совета Народных Комиссаров.

Когда мы въехали во двор, митинг на заводе Михельсона еще не начался. Все ждали Ленина. В обширном гранатном цехе собралось несколько тысяч человек. Как-то получилось, что никто нас не встречал: ни члены завкома, ни кто-либо другой.

Владимир Ильич вышел из автомобиля и быстро направился в цех. Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я.

Она нервно засмеялась и сказала:

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почем знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедем дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода.

Мелькнула мысль: «Что она ко мне привязалась? Такая настойчивая!» Но так как любопытствующих узнать, кто приехал, бывало всегда много, иногда даже обступали машину со всех сторон, то я не обратил особого внимания на поведение и слова этой женщины.

Спустя примерно час из завода вышла первая большая толпа народу — главным образом рабочие — и заполнила почти весь двор. Я понял, что митинг кончился, и быстро завел машину. Владимира Ильича еще не было.

Через несколько минут во дворе появилась новая большая толпа народа, впереди нее шел Владимир Ильич. Я взялся за руль и поставил машину на скорость, чтобы можно было двинуться в любую секунду.

Направляясь к машине, Владимир Ильич оживленно разговаривал с рабочими. Они засыпали его вопросами, он приветливо и обстоятельно отвечал и, в свою очередь, задавал какие-то вопросы. Очень медленно подвигался он к автомобилю. В двух-трех шагах от машины Владимир Ильич остановился. Дверка была открыта кем-то из толпы.

Владимир Ильич разговаривал с двумя женщинами. Речь шла о провозе продуктов. Я хорошо расслышал его слова:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий заградительных отрядов, но это все, безусловно, устранится.

Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич

хотел сделать последние шаги к подножке машины вдруг раздался выстрел.

Я в это время смотрел на Владимира Ильича. Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась в грудь Владимира Ильича.

Раздался еще один выстрел. Я мгновенно застопорил мотор, выхватил из-за пояса наган и бросился к стрелявшей. Рука ее была вытянута, чтобы произвести следующий выстрел. Я направил дуло моего нагана ей в голову. Она заметила это, рука ее дрогнула, и в ту же секунду раздался третий выстрел. Третья пуля, как потом выяснилось, попала в плечо одной из стоявших там женщин.

Еще миг, и я бы выстрелил, но злодейка, стрелявшая в Ленина, кинула свой браунинг мне под ноги, быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом было много народу, и я не решился стрелять ей вдогонку: можно было убить кого-нибудь из рабочих.

Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, но тут в голове мелькнула мысль: «А как же Владимир Ильич?.. Что с ним?» Я остановился. Несколько секунд стояла страшная мертвая тишина. Потом вдруг раздались голоса со всех сторон: «Убили! Ленина убили!» Вся толпа разом бросилась со двора догонять убийцу. Образовалась страшная давка. Я обернулся к автомобилю и замер: Владимир Ильич лежал на земле в двух шагах от машины. Я бросился к нему. За эти секунды битком набитый двор опустел, а стрелявшая скрылась в толпе.

Я опустился перед Владимиром Ильичем на колени, наклонился к нему. Какое счастье: Ленин был жив, он даже не потерял сознания.

— Поймали его или нет? — спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина.

Говорил Владимир Ильич с трудом, изменившимся голосом, с каким-то хрипом. Я сказал ему:

— Не говорите, вам тяжело...

В эту секунду поднимаю голову и вижу, что из мастерской бежит к нам какой-то мужчина в матросской фуражке. Левой рукой он неистово размахивал, а правую держал в кармане. Бежал он стремглав, прямо на Владимира Ильича.

Его фигура и весь его вид показались мне крайне подозрительными, и я закрыл собой Владимира Ильича, особенно его голову, почти лег на него.

— Стой! — закричал я изо всех сил, направив на бежавшего револьвер.

Он продолжал бежать и все приближался к нам. Тогда я еще раз крикнул:

— Стой! Стреляю!

Не добежав нескольких шагов до Владимира Ильича, он круто повернул налево и бросился бегом в ворота, не вынимая руки из кармана. В это время ко мне подбежала сзади какая-то женщина с криком:

— Что вы делаете? Не стреляйте!

Очевидно, она думала, что я хочу стрелять во Владимира Ильича.

Не успел я ей ответить, как у мастерских раздался крик:

— Это свой, свой!

Я увидел троих мужчин, бегущих ко мне с револьверами в руках. Я опять закричал:

— Стойте! Кто вы? Стрелять буду!

Они тотчас же ответили:

— Мы — заводской комитет, товарищ, свои...

Присмотревшись, я узнал одного из них: я видел его раньше, когда мы приезжали на завод. Они подошли к Владимиру Ильичу. Все это произошло очень быстро, в одну-две минуты.

Кто-то из них настаивал, чтобы я вез Владимира Ильича в ближайшую больницу. Я решительно ответил:

— Ни в какую больницу не повезу. Везу домой.

Владимир Ильич, услышав наш разговор, сказал:

— Домой, домой...

Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам с нашей помощью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Раньше чем сесть за руль, я остановился и посмотрел на Владимира Ильича. Лицо его было бледно, глаза полузакрыты. Весь он притих. Сердце сжалось у меня, как от физической боли, к горлу подступило что-то... С этой минуты он стал для меня особенно близким и дорогим, как становятся нам дороги родные люди, которых мы вдруг можем навеки потерять.

Но размышлять было некогда, надо было действовать. Жизнь Владимира Ильича должна быть спасена!

Двое товарищей сели в машину: один со мной, дру-

гой рядом с Ильичем. Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога.

По пути я несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. Он с половины дороги откинулся всем туловищем на спинку сиденья, но не стонал, не издавал ни одного звука. Лицо его становилось все бледнее. Товарищ, сидевший внутри, немного поддерживал его. Въезжая в Троицкие ворота, я не остановился, а только крикнул часовым: «Ленин!» — и проехал прямо к квартире Владимира Ильича.

Чтобы не привлекать внимания людей, проходивших и стоявших неподалеку от парадных дверей дома, где жил Владимир Ильич, я остановил машину у боковых дверей, за аркой.

Здесь мы все трое помогли выйти Владимиру Ильичу из автомобиля. Он вышел при нашей поддержке, видимо страдая от боли. Я обратился к нему:

— Мы вас внесем, Владимир Ильич...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и убеждать его, что ему трудно и вредно двигаться, особенно подниматься по лестнице, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал:

— Я пойду сам...

И, обращаясь ко мне, прибавил:

— Снимите пиджак, мне так легче будет итти.

Я осторожно снял с него пиджак, и он, опираясь на нас, пошел по крутой лестнице на третий этаж. Поднимался он совершенно молча, я не слышал даже вздоха. На лестнице нас встретила Мария Ильинична. Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня.

Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойся, ничего особенного... Немного ранен в руку.

Из другой комнаты я позвонил управляющему делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевичу и стал ему рассказывать о случившемся. Он едва дослушал меня — надо было, не теряя ни секунды, принимать меры.

В квартиру Ленина пришел Винокуров, народный комиссар социального обеспечения, приехавший на заседание Совета Народных Комиссаров. Скоро прибежал и Бонч-Бруевич.

Владимир Ильич лежал на правом боку и очень тихо стонал. Разрезанная рубашка обнажала грудь и левую руку, на верхней части которой виднелись две ранки. Винокуров смазал ранки иодом.

Владимир Ильич открыл глаза, болезненно посмотрел вокруг и сказал:

— Больно, сердцу больно...

Винокуров и Бонч-Бруевич пытались успокоить Ильича:

— Сердце ваше не затронуто. Раны видны на руке и только. Это отраженная нервная боль.

— Раны видны?.. На руке?

— Да.

Он затих, закрыв глаза. Через минуту он застонал очень тихо, сдержанно, точно боясь кого-то побеспокоить.

Лицо его стало еще бледней, и на лбу появился желтоватый восковой оттенок. Присутствующих охватил ужас: неужели Владимир Ильич покидает нас навеки? Неужели смерть?

Бонч-Бруевич позвонил в Московский Совет и попросил дежурного члена Совета и бывших там товарищей тотчас же ехать за врачами. Передал по телефону: нужны немедленно врачи — Обух, Вейсброд и еще хирург. Кому-то было поручено привезти подушки с кислородом, разыскав их в московских аптеках. В Кремле еще не была организована медицинская помощь: не было ни аптеки, ни больницы, и за всем надо было посылать в город.

Позвонил Я. М. Свердлов, которому только что сообщили о ранении Владимира Ильича. Бонч-Бруевич рассказал ему в нескольких словах о случившемся и попросил пригласить немедленно опытного хирурга. Яков Михайлович сообщил, что сейчас же пошлет за профессором Минцем, и вскоре сам пришел.

Мария Ильинична обратилась ко мне с просьбой сообщить Надежде Константиновне о несчастье как можно осторожней. Надежда Константиновна была в Народном комиссариате просвещения и ничего еще не знала. Когда я спускался во двор, меня догнал кто-то из Совета Народных Комиссаров, чтобы вместе итти предупредить Надежду Константиновну.

Мы ждали ее во дворе. Вскоре она подъехала. Когда я стал приближаться к ней, она, видимо догадавшись по моему взволнованному лицу, что случилось нечто ужасное, остановилась и сказала, смотря в упор в мои глаза:

— Ничего не говорите, только скажите — жив или убит?

— Даю честное слово, Владимир Ильич легко ранен, — ответил я.

Она постояла секунду и пошла наверх. Мы молча

провожали ее до самой постели Владимира Ильича. Он лежал в беспамятстве.

Пришла Вера Михайловна Величкина — жена Бонч-Бруевича, врач. Она выслушала пульс Ильича, впрыснула ему морфий и посоветовала не трогать его до прихода хирургов, только снять обувь и, поскольку возможно, раздеть.

Случилось так, что, передавая друг другу пузырек с нашатырным спиртом, его уронили и разбили. Комната быстро наполнилась острым запахом нашатыря. Владимир Ильич вдруг очнулся и сказал:

— Вот хорошо...

Он вздохнул и опять забылся. Очевидно, нашатырь его освежил, а морфий несколько успокоил боль.

Появился профессор Минц. Не здороваясь ни с кем, не теряя ни одной секунды, он прямо подошел к Владимиру Ильичу, взглянул ему в лицо и отрывисто сказал:

— Морфий!

— Уже впрыснут, — ответила Вера Михайловна.

Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Где другая? Крупные сосуды не тронуты. Другой нет. Где же другая?..

Вдруг глаза профессора сосредоточенно остановились, лицо застыло. Отшатнувшись и страшно побледнев,

ев, он стал торопливо ощупывать шею Владимира Ильича.

— Вот она!

Он указал на противоположную, правую, сторону шеи. Доктора переглянулись, многое стало им ясно. Воцарилось гнетущее молчание. Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он.

Вскоре я покинул квартиру Ленина. Хотя ранение было тяжелое и положение раненого очень серьезное, я старался успокоить себя: врачи помогут, организм у Владимира Ильича крепкий, сердце выносливое. Я и мысли не хотел допустить о смерти Ленина.

Через два-три дня стало окончательно известно: Владимир Ильич будет жить!

В первую же ночь после покушения выяснились некоторые подробности этого события.

Стрелявшая Фанни Каплан оказалась членом бандитской группы эсеров-террористов. Руками этой же злодейской шайки были убиты в Петрограде Урицкий и Володарский.

После выстрелов во Владимира Ильича покушавшаяся выбежала вместе с толпой со двора завода. Люди бежали, не зная сначала, кто стрелял во Владимира Ильича. Смешавшись с толпой, террористка рассчитывала незаметно скрыться. На улице, неподалеку от завода, ее ожидал рысак. Но воспользоваться рысаком ей не удалось. Ребятишки, бывшие во дворе

во время покушения, гурьбой бежали за Каплан и кричали, указывая на нее:

— Вот она! Вот она!

Благодаря сметливости ребятишек удалось задержать убийцу Несколько человек догнали ее у трамвайной стрелки и привели на заводской двор. Толпа была возмущена, многие рвались к ней с угрожающим видом, она была бы тут же растерзана, но группа рабочих сдерживала натиск. Кто-то увещевал:

— Что вы делаете, товарищи? Ее надо допросить!

Через час бандитка Каплан была уже в ВЧК.

Мужчина в матросской фуражке, бежавший к Владимиру Ильичу после выстрелов Каплан, тоже был вскоре арестован. Он оказался сообщником террористки.

Здоровый организм Ленина и исключительный уход за ним во время болезни сделали свое дело: через две-три недели Владимир Ильич уже снова председательствовал на заседаниях Совета Народных Комиссаров.

Через несколько месяцев Владимир Ильич, вполне здоровый и бодрый, снова выступал на митинге перед рабочими того же завода бывшего Михельсона. Радости рабочих не было границ. Первый их вопрос был:

— Как ваше здоровье, Владимир Ильич?

— Спасибо. Очень хорошо, — ответил, улыбаясь, Ленин.

Митинг начался. Рабочие снова слышали пламенную, вдохновенную речь своего вождя.

* * *

Ответственные сотрудники Совета Народных Комиссаров решили тайком от Ленина заснять его на кинопленку. Ильич только что оправился после ранения, и было важно показать народу, что Владимир Ильич здоров и бодр.

Съемки были поручены опытному кинооператору. Ему предложили заснять Владимира Ильича так, чтобы он этого не заметил. Все знали, что иначе из всей затеи ничего не получится. Ильич ни за что не согласится сниматься для кино.

Был солнечный день, когда было решено осуществить «операцию». Главный кинооператор и его помощники разместились в разных уголках Кремля по маршруту асфальтовой дорожки, а также у Царь-пушки и у здания арсенала. Здесь намечалась прогулка Владимира Ильича.

Сопровождал Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома и старый друг Ильича. Бонч-Бруевич старался увлечь Владимира Ильича разговором, дабы тот не заметил наведенных на него аппаратов.

Когда съемки были наполовину сделаны, Ленин круто повернулся, чтобы вернуться в свой кабинет и вдруг заметил кинооператоров с их треножниками.

— Что это? — недоуменно спросил Владимир Ильич. — Куда они бегут? И что это у них за плечами? Погодите, да ведь это киношники!

Бонч-Бруевич не мог отпираться и подтвердил, что это действительно «киношники».

— Так это меня снимать вздумали? Вот еще что! Кто им разрешил? И почему меня не предупредили?

— Очень просто, Владимир Ильич, — вы не согл
сились бы сниматься, а это совершенно необходимо.

— Да, это верно, — сказал Владимир Ильич, —
я бы не согласился. Выходит, вы меня надули?

Он посмотрел кругом и прибавил:

— Да тут, вижу, целый киношный заговор! Ловк
ловко вы меня провели, — и добродушно расхохота
ся. — Ну, если это нужно, — так и быть, прощаю ва

Спустя некоторое время в Кремле был показан м
ленький фильм «Прогулка Владимира Ильича в Кре
ле». Ильич шутил и смеялся, глядя на экран, и в
вспоминал, как «ловко его опутали» и все-таки з
сняли.

Вскоре киножурнал был выпущен на экран
Москвы и других городов. Зрители всюду встреча
образ Владимира Ильича с бурным восторгом и апло
дисментами.

* * *

А в начале 1919 года произошло еще одно очен
неприятное происшествие.

Это случилось 19 января 1919 года. Зима был
в том году вьюжная, Москву замело снегом. На ули
цах образовались снежные сопки и ухабы.

В тот памятный воскресный вечер мы отправились
в Сокольники. Владимир Ильич ехал в одну из лесны
школ, где отдыхала Н. К. Крупская. Там был детски
праздник и Владимира Ильича с нетерпением ждали

Мы ехали в Сокольники не через Красные ворота
а по Орликову переулку. В нескольких саженях о
Каланчевской площади мы вдруг услышали грозны
крик:

— Стой!

Кричал какой-то субъект в шинели. Я прибавил ходу и круто взял поворот. Владимир Ильич спросил:

— В чем дело?

Я ответил, что какой-то неизвестный, должно быть, пьяный, преградил нам путь. Проехали благополучно вокзалы, но когда стали подъезжать к Калинкинскому заводу, на середину дороги выскочило несколько человек с револьверами в руках.

— Стой! Машину остановить! — раздался крик.

Я вижу, что по форме не патруль, и продолжаю ехать прямо на них. Неизвестные повторили свой окрик:

— Стой! Будем стрелять!

Я хотел «проскочить», но Владимир Ильич потребовал, чтобы я остановил машину. Он думал, что это милиционеры, проверяющие документы.

Поравнявшись с мостом, я затормозил. Машина остановилась. К нам подбежали несколько возбужденных типов с револьверами в руках и приказали:

— Выходите! Живо!

Владимир Ильич приоткрыл дверцу и спросил:

— В чем дело?

Один из нападавших крикнул:

— Выходите, не разговаривайте!

Бандит схватил Владимира Ильича за рукав и резко дернул к себе. Выйдя из машины, Ильич недоуменно повторил свой вопрос:

— В чем дело, товарищи? Кто вы? — и достал пропуск.

Мария Ильинична и Чебанов, сопровождавшие Ленина, также вышли из машины, еще не понимая,

что происходит. Двое бандитов стали около Владими Ильича, по бокам, направив дула револьверов с в висок.

— Не шевелись!

Один из бандитов зашел спереди, схватил Влад мира Ильича за лацканы пальто, распахнул его и м гом, профессиональным жестом, выхватил из боково кармана бумажник, в котором хранились документ Ленина, и маленький браунинг.

Я в это время сидел на своем месте за рулем, де жа в руке заряженный пистолет. Приходилось сде живать себя, чтобы не стрелять в бандитов. Мои пу уложили бы одного из двух налетчиков, но эт неизбежно кончилось бы пальбой с их стороны. По вергать опасности жизнь Владимира Ильича я н мог.

Мария Ильинична, не сообразив сразу, что это гр бители, возмущенно обратилась к ним:

— Какое право вы имеете обыскивать? Ведь эт же товарищ Ленин! Предъявите ваши мандаты!

— Уголовным никаких мандатов не надо, — отве тил один из налетчиков. — У нас на все право есть.

Очевидно, они не расслышали слов Марии Ильи ничны и слово «Ленин» прошло мимо их ушей.

Бандиты заметили меня, сидящего за рулем, потребовали, чтобы я немедленно вышел наружу. Сво требования они подкрепили угрозой револьверам Было обидно, что я, вооруженный и достаточно силь ный, не могу противиться наглым преступникам. Я со знавал одно: жизнью Ленина рисковать нельзя.

Один из бандитов сел на мое место, остальны вскочили на подножку машины. Она стремительн сорвалась с места. За рулем сидел, повидимому, очен

опытный шофер — это я заметил по его движениям. Машина скрылась из виду.

— Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину.

И тут же добавил:

— Верно поступили вы, товарищ Гиль, что не стреляли. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись.

Тут только мы обратили внимание, что Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, мы все расхохотались.

Решили отправиться в Совет Сокольнического района и оттуда позвонить в Кремль, в ВЧК.

— Неужели Совет находится неподалеку? — удивился Владимир Ильич.

Нам указали на двухэтажный дом за мостом. Ильич развел руками и после короткой паузы сказал:

— Грабят под боком у Совета. Просто чудовищно!

Мы отправились к Совету. Как и следовало ожидать, часовой наотрез отказался впустить нас без пропусков. Владимир Ильич попытался сломить упорство часового:

— Я не могу удостоверить свою личность, у меня отобрали все документы. Ограбили, отняли машину в двух шагах от вас. Мы хотим только позвонить, чтобы нас доставили на место.

Но часовой продолжал упорствовать. Владимир Ильич начал терять терпение.

— Я — Ленин, — решительно заявил он, — но доказать это ничем не могу. Вот мой шофер, у него

документы, вероятно, уцелели, и он удостоверит мо личность.

Часовой опешил. Он опустил винтовку и застыл в месте. Я показал ему свои документы, он механичес потрогал их руками, посмотрел несколько раз в Владимира Ильича и безмолвно пропустил нас в зд ние.

В Совете никого не было. Я прошел несколь пустых комнат и очутился в коммутаторной. Там др мал телефонист. Я спросил его, нет ли кого-нибудь дежурных. Оказалось — ни души. Я попросил вызва председателя или заместителя.

Через некоторое время пришел председатель и о ратился к нам:

— Кто вы? Чем могу вам служить?

Владимир Ильич назвал себя и сказал:

— Хорошие у вас порядочки — грабят людей в улице, под носом у Совета, — и прибавил: — Разр шите позвонить по телефону, вызвать машину.

— Пожалуйте в кабинет, товарищ Ленин, —взво нованно сказал председатель.

Владимир Ильич поручил мне позвонить личн Дзержинскому. Я вызвал Феликса Эдмундовича. Ег не было. К телефону подошел его заместитель. Я ра сказал о происшедшем. Потом передал трубку Влад миру Ильичу. Он просил принять срочные меры дл задержания машины и выразил возмущение скверно охраной города. Из ВЧК, видимо, задали вопрос, н политическое ли это дело.

— Только не политическое, —категорически отве тил Ленин, — иначе они меня застрелили бы. Он хотели просто ограбить нас.

. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова на параде всевобуча на Красной площади. Май 1919 г.

– *В. И. Ленин. Москва. 1919 г.*

В. И. Ленин. Май 1920 г.

В. И Ленин среди курсантов-выпускников Московских пулеметных курсов в Кремле 5 мая 1920 г.

Я позвонил на автобазу Кремля и вызвал машину с охраной.

Ожидая автомобиль, Владимир Ильич прохаживался по комнате и говорил вполголоса:

— Терпеть такое безобразие дальше нельзя. Надо энергично взяться за борьбу с бандитизмом. Немедленно!

И обратился ко мне:

— А машину, товарищ Гиль, надо найти. Всеми средствами!

Я высказал уверенность, что пропажа будет найдена еще этой ночью. Владимир Ильич остановился, сощурился и сказал:

— Сомневаюсь!

— А я уверен в этом. Им некуда скрыться из города. Дороги сейчас не проезжие, они будут кружить по городу, завязнут в снегу. Все машины проверяются.

— Ну, посмотрим, — улыбнулся Ильич.

Вскоре подошла ожидаемая машина, и Владимир Ильич с Марией Ильиничной уехали в Сокольники. Я отправился на поиски автомобиля.

В ВЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена в противоположной части города — у Крымского моста. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. В эту ночь было схвачено много различных преступников.

На допросе бандиты говорили, что, отъехав немного от ограбленных, они стали рассматривать документы и, сообразив, что в их руках был Ленин, повернули якобы назад, чтобы убить его. За убийство Ленина была обещана врагами Советской страны крупная

сумма. Один из бандитов, Яков Кошельков, будто рас сказывал, как они ругали себя за «промах»:

— Что мы сделали, ведь это ехал сам Ленин! Да гоним и убьем его! Будут обвинять не уголовны а политических, может и переворот произойти!

СРЕДИ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

С первых же дней пребывания Советского правительства в Москве Владимир Ильич стал часто выступать на многолюдных митингах, собраниях, на встречах с рабочими, крестьянами, учеными, военными. Были дни, когда он выступал перед москвичами по два и даже по три раза в день. Сожалею, что не вел дневника наших поездок и многое позабыл, но все же кое-что осталось в памяти.

В центре и на окраинах Москвы имеется много жилых и общественных зданий, где в разные годы жил, работал, выступал Владимир Ильич.

Например, гостиница «Националь», расположенная против Кремля. В номерах 107 и 109 проживал в 1918 году Владимир Ильич. Это была первая квартира Ленина в Москве после Октября, когда Советское правительство переехало из Ленинграда в Москву. Здесь он прожил несколько недель и переехал в Кремль.

На многих московских фабриках и заводах побывал Владимир Ильич в период 1918 — 1922 годов. Я привозил его на завод «Динамо», на завод бывший Гужона (ныне «Серп и молот»), на завод бывший Михельсона (ныне имени Владимира Ильича), на «Красный Октябрь» и другие предприятия.

У главных ворот многих столичных фабрик и заводов можно в наши дни увидеть мраморные доски с надписями: «Здесь выступал В. И. Ленин».

В суровые годы гражданской войны Владимир Ильич выступал в кинотеатре «Луч» на Русаковской улице, в кузовном цехе завода АМО (ныне автозавод имени Лихачева), на Ходынке перед красноармейцами Варшавского революционного полка и в ряде других мест.

Зимой 1918 — 1919 годов я неоднократно привозил Ленина в лесную школу, в Сокольники, помещавшуюся в доме № 21 по 6-му Лучевому просеку, где тогда отдыхала Надежда Константиновна Крупская. В начале 1919 года Владимир Ильич присутствовал здесь на елке у детей.

Историко-революционным памятником является здание государственного театра имени Ленинского комсомола на улице Чехова. В июле и августе 1919 года Ленин выступал здесь перед слушателями Коммунистического университета имени Свердлова, читал им лекции о партии и государстве. В октябре 1920 года на происходившем здесь III Всероссийском съезде РКСМ Владимир Ильич произнес свою историческую речь о задачах комсомола.

Неоднократно я привозил Ленина в дом № 4 по улице Калинина (бывшая Воздвиженка), в помещение бывшей гостиницы «Петергоф». Здесь в 1918 году помещался ЦК РКП(б).

Много эпизодов воскрешает в памяти здание Моссовета. С его балкона Владимир Ильич выступал 3 ноября 1918 года с речью об австро-венгерской революции, а в октябре 1919 года Ленин отсюда напутствовал рабочих, уходивших на фронт.

Весной 1919 года Владимир Ильич приезжал в до
№ 3 по Товарищескому переулку. Здесь он выступ
на выпуске первых командиров артиллерийских ку
сов. Не раз Ильич выступал с докладами и речам
в Колонном зале Дома союзов.

Владимир Ильич неоднократно приезжал в подм
сковный город Кунцево.

Выступая в августе 1918 года на собрании рабочи
кунцевских предприятий, Ленин говорил о необходи
мости тесного союза рабочего класса с крестьянством
об укреплении власти Советов и призывал трудящихся
Кунцева оказывать всемерную помощь воюющей
с врагами революции Красной Армии.

К Владимиру Ильичу подошла группа юношей.
Впереди — молодой кудрявый парень. Он обратился
к гостю:

— Просим прощения, товарищ Ленин, хотим обра
титься к вам с важным делом...

Владимир Ильич насторожился:

— Пожалуйста, говорите, я слушаю вас. Вы
кто?

— Мы, значит, местные парни, из рабочих, — на
чал кудрявый, — хотим объединиться и пойти на фронт
гражданской войны. Не скажете, куда обратиться?
Или, может, зря беспокоим вас, товарищ Ленин?

Владимир Ильич помолчал, обвел пристальным
взглядом всех пареньков и ободряюще улыбнулся:

— Нет, друзья мои, не зря вы обратились ко мне.
Мысль ваша хорошая, дельная, и я помогу вам. Вы
настоящие пролетарские сыновья, и защищать нашу
революцию — ваш прямой долг.

Владимир Ильич вырвал из записной книжки
листок, что-то быстро написал карандашом и передал

удрявому пареньку. Тот поблагодарил и отошел сторону.

Весной 1919 года Владимир Ильич дважды приезжал в Кунцево. На большом собрании рабочих Ленин и на этот раз рассказывал о положении на фронтах. Он призывал рабочих защищать Советскую страну от интервентов. Речь его, как всегда, была пламенной, страстной и в то же время простой и доходчивой.

После выступления Владимира Ильича рабочие Кунцева сформировали и отправили на фронт несколько отрядов добровольцев.

В 1920 году Владимир Ильич присутствовал на собрании рабочих и крестьян Кунцевской волости. Он выступил с речью о международном и внутреннем положении страны.

По окончании собрания к Ленину приблизилась группа крестьянок и попросила разрешения прислать ему в Кремль немного продуктов.

— Москва-то голодает! — говорили крестьянки. — Слышали мы, что и вы, товарищ Ленин, недоедаете. Правда это? Позвольте прислать вам кое-чего, угостить вас, если не обидитесь.

Владимир Ильич рассмеялся и успокоил женщин:

— Спасибо, спасибо, но должен отказаться. В Москве действительно не густо с продовольствием, как и во всей стране, но что поделаешь! Уж лучше вы, если располагаете излишками, угостите детвору, в детские дома, в ясли присылайте! Вот за это скажу вам спасибо. А я обойдусь!

Женщины пообещали прислать муку и крупу в детскую больницу и пригласили Владимира Ильича вновь приехать.

Вскоре Ленин уехал в Москву, провожаемы огромной толпой.

В период перехода от продразверстки к продналог Владимир Ильич приезжал в подмосковные деревн и совхозы, где выступал на собраниях с разъяснением в чем суть отказа от продразверстки и переход к продналогу.

* * *

Недалеко от Москвы, в Тарасовке, расположенно вдоль левого берега реки Клязьмы, в живописно лесной местности Владимир Ильич летом 1918 год проводил иногда свои свободные от работы дни н даче у В. Бонч-Бруевича.

Здесь, в селе Мальцево-Бродово, по инициатив Ленина был создан совхоз, названный «Лесные поля ны». Это один из первых совхозов нашей страны Владимир Ильич сам заботливо следил за организацие совхоза и помогал своими советами.

— Со временем, — говорил он крестьянам, — эт небольшое хозяйство превратится в мощное и богатое а вам, как пионерам, народ скажет спасибо. Може кое-кто из вас и не верит в это, а я вот верю, тверд верю. Относитесь лишь к своему делу, как к собствен ному, родному, будьте смелыми, не бойтесь размаха, и вы непременно достигнете успеха. Уверен!

С тех пор прошло много лет. Сейчас этот совхоз во главе которого стоит Герой Социалистического Тру да Ю. Голубаш, стал образцовым хозяйством, извест ным не только в нашей стране, но и за ее пределами Среди старожилов здесь еще можно найти людей, лич но беседовавших в те далекие дни с великим вождем

* * *

Вероятно, живы еще и те, кто помнит посещение Владимиром Ильичем московского госпиталя, расположенного где-то в районе Грузинских улиц.

Произошло это осенью 1919 года. В тяжелом положении находилась тогда молодая Советская республика. В стране голод, холод, свирепствовал сыпной тиф. Белогвардейские полчища Деникина подходили к Туле, банды Юденича рвались к Петрограду.

Партия мобилизовала все силы народа, чтобы отбить яростные атаки контрреволюции. Вся страна превратилась в военный лагерь. Фабрики и заводы посылали своих лучших людей на фронт. У всех одна мысль — выстоять, во что бы то ни стало защитить завоевания великого Октября.

Все больницы и госпитали Москвы были переполнены больными и ранеными. Несмотря на отсутствие медикаментов и плохое питание, медработники делали все, чтобы больные и раненые воины быстро поправлялись.

Владимир Ильич постоянно интересовался жизнью госпиталей, их нуждами, положением больных и медицинского состава. Он часто посещал госпитали и больницы, и каждый его приезд, естественно, превращался в большое и памятное событие для лечебного учреждения — для больных и врачей.

Однажды к Ильичу явилась делегация военного госпиталя и попросила посетить раненых воинов. Ленин выслушал делегацию и просил передать раненым красноармейцам, что их просьбу он охотно исполнит.

И вот, несколько дней спустя, в госпиталь приех
наркомздрав Н. А. Семашко и сообщил, что ско
сюда прибудет Владимир Ильич.

И действительно, часов в шесть вечера к подъез
госпиталя подъехала автомашина. Я привез Владими
Ильича Ленина и Надежду Константиновну Крупску
Их встретили у дверей и проводили в госпиталь. Пр
гласили и меня.

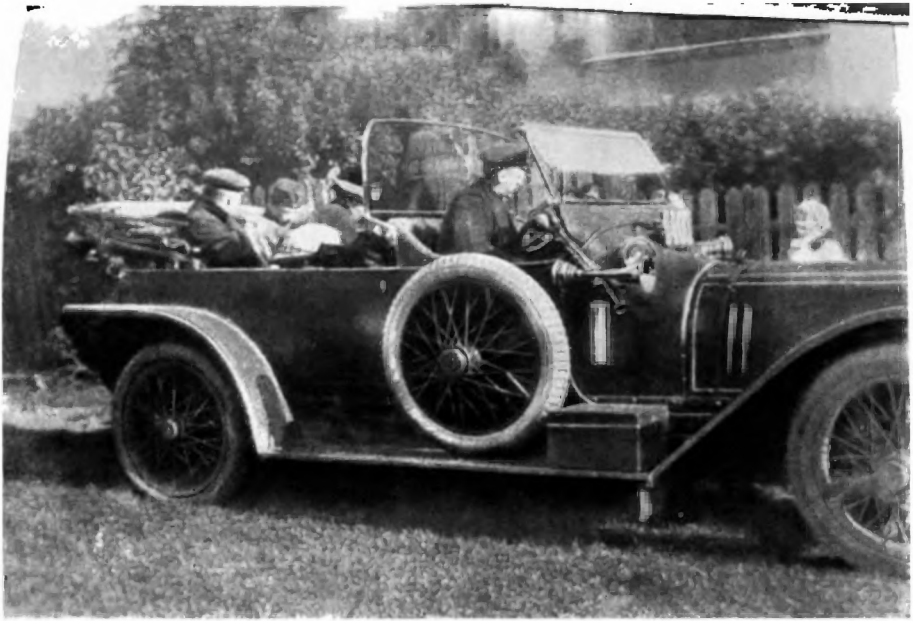
— Как чувствуют себя красноармейцы, — спрос
Ленин, — много ли раненых командиров, как корм
больных, где получают продукты, во что одевают вы
здоравливающих, когда они выписываются, где и ка
хранится одежда?

Затем Владимир Ильич расспросил о работе ком
мунистической ячейки. Интересовался он всем подроб
но. А когда ознакомился с положением в госпитале
пожелал побеседовать с ранеными воинами. Ему до
ложили, что сейчас будет ужин, а после ужина
всех, кто в состоянии ходить, соберут в красном
уголке.

Ленин вместе с ранеными пошел в столовую, попро
сил подать себе ужин из общего котла. На ужин в то
день была перловая каша с сахаром. Масла было
достать трудно, и его заменяли сахаром.

Надежда Константиновна расспрашивала, чем
здесь кормят слабых больных. Ей ответили, что дают
манную кашу или морковь с сахаром. Она посоветова
ла готовить перловую кашу без сахара, а сахар давать
отдельно, а манную кашу и морковь хорошо приго
товлять с сахаром.

Завязалась общая беседа: Ильичу наперебой вы
кладывали все нужды. Ленин внимательно всех вы
слушивал, давал советы, обещал помочь, чем сумеет.



В. И. Ленин и Н. К. Крупская возвращаются с дачи (Снимок публикуется впервые.)

В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Елизарова-Ульянова с племянником Витей и дочерью рабочего Ремизова

В. И. Ленин в Горках. 1922 г.

В. И. Ленин в Горках. 1922 г.

Тут же он высказал мысль, что следовало бы создать журнал «Раненый красноармеец», который отражал бы нужды раненых воинов.

После ужина в красном уголке собрались все раненые. Даже некоторых тяжело больных, по их требованию, пришлось принести сюда на носилках. Владимира Ильича встретили бурными аплодисментами, которые долго не смолкали, возобновляясь каждый раз с новой силой.

Обращаясь к больным и раненым воинам, комиссар госпиталя сказал, что товарищ Ленин порадовал их своим приходом, и предоставил ему слово. Опять вспыхнула долго не смолкавшая овация. Наконец успокоились.

Владимир Ильич вышел вперед и сказал:

— Дорогие товарищи, ваш комиссар неправильно доложил: не я вас порадовал своим приездом, а вы меня. Я счастлив, что имею возможность сегодня быть с вами. И рад побеседовать с вами, узнать о ваших нуждах, рассказать вам о положении нашей республики.

Полтора часа продолжалась оживленная беседа В. И. Ленина с ранеными красноармейцами.

Владимир Ильич рассказал об успехах нашей армии на фронте, о разгроме Юденича под Петроградом и первых победах над войсками Деникина.

Останавливаясь на трудностях, Ленин сказал, что наш героический народ сейчас терпит нужду и голод. Все, что есть, отдается Красной Армии, все идет для обеспечения победы, чтобы отстоять завоеванную свободу. Но как только мы разделаемся с контрреволюцией и Антантой, а это уже не за горами, наш народ будет самый счастливый. Все, что мы переживаем и

терпим сейчас, — это борьба за счастье и свободу р рода.

После выступления Владимир Ильич тепло ра прощался с больными и ранеными красноармейцам пожелал им скорейшего выздоровления. Но он не уех из госпиталя. Ленин внимательно просмотрел спис тяжело больных и, хотя времени осталось мало, он в же зашел к ним в палаты.

Провожать Ленина вышел весь медицинский перс нал. В вестибюле, будучи уже одетым, Ленин обратил к ним:

— Вам выпала большая историческая миссия, в лечите защитников революции и свободы. Сделай все, чтобы они быстрее выздоравливали и покину госпиталь. Этим вы внесете свой большой вклад в де революции. Советская власть и сами красноармей и командиры будут вам благодарны.

Затем Владимир Ильич с Надеждой Константино ной и Н. А. Семашко уехали. А вскоре вышел декре Совнаркома о создании Чрезвычайной комиссии п улучшению дела в военных госпиталях и об обеспече нии больных и раненых красноармейцев.

Созданная В. И. Лениным Чрезвычайная военна санитарная комиссия при Реввоенсовете республики проделала большую работу и улучшила постановк лечебного дела и питания в госпиталях страны.

* * *

Крестьяне деревни Кашино Волоколамского уезда пригласили однажды Владимира Ильича на торжеств открытия электростанции, построенной жителями двух деревень.

Было это 14 ноября 1920 года. Владимир Ильич в сопровождении Надежды Константиновны поехал в Кашино. Дорогу мы не знали. Проезжая через Волоколамск, я остановил машину около постового милиционера, чтобы узнать, куда ехать дальше. Невдалеке стоял красноармеец. Владимир Ильич обратился к нему и спросил, знает ли он дорогу в Кашино. Получив утвердительный ответ, Владимир Ильич попросил его доехать с нами, обещав доставить его обратно в Волоколамск.

Красноармеец, кажется Семенов по фамилии, узнав из нашего разговора с постовым милиционером, что с ним говорит Ленин, с радостью согласился, и мы поехали.

Когда мы остановились в Кашино, нас со всех сторон окружили крестьяне.

Ленин и Крупская вышли из машины и вошли в избу. Я следовал за ними. Владимир Ильич со всеми поздоровался за руку. Кто-то хотел помочь ему снять пальто, но Владимир Ильич не позволил этого:

— Ничего, ничего, я сам разденусь.

Разделся, помог снять пальто Надежде Константиновне, сел за стол и завел беседу с крестьянами.

Он всех внимательно выслушивал, отвечал на вопросы, сам спрашивал.

За столом ему предложили закусить. Председатель сельхозартели подал ему стакан браги.

— А что, — спросил Владимир Ильич, — не хмельное?

— Нет, — ответили ему.

Владимир Ильич чокнулся с председателем артели, отпил немного и закусил кусочком студня. На просьбу крестьян еще закусить Владимир Ильич ответил, что

он сыт, так как поел перед тем, как ехать в К
шино.

Перед митингом пришел фотограф и предложи
Владимиру Ильичу сняться с крестьянами. Ленин с
гласился. Набралось много народу, особенно мно
было ребятишек. Взрослые хотели их отодвинуть,
Владимир Ильич не дал. Посадил детей около себ
расспрашивал их, гладил по головкам. Ребятиш
были в восторге.

Владимир Ильич вышел на трибуну, сердечно п
благодарил крестьян за приглашение, сообщил о поб
дах Красной Армии над Врангелем.

Ф. Феофанов, фотограф, присутствовавший на м
тинге и снимавший Ленина в кругу крестьян, приводи
в своих воспоминаниях запомнившиеся ему слов
Владимира Ильича:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическу
станцию. Это только начало. Нужно, чтобы электрич
ские станции были не единичные, а районированны
Наша задача в том, чтобы наша республика буквальн
вся была залита электричеством.

Речь Ленина была встречена криками восторга.

Перед отъездом Ленин напомнил мне о красноар
мейце Семенове, я его разыскал, и мы довезли его д
Волоколамска.

* * *

Любил Ильич приезжать на предприятия Красно
пресненского района, в том числе и на Трехгорную
мануфактуру. Он высоко ценил революционные тра
диции рабочих Трехгорки. И сейчас еще можно найти
рабочих и работниц, слушавших Ленина, близко ви
девших его.

Ленин, как известно, был бессменным депутатом Моссовета от рабочих Трехгорной мануфактуры.

Мне довелось несколько раз привозить Владимира Ильича на Трехгорку, и всегда рабочие и работницы фабрики встречали его с восторгом. Трехгорцы очень любили Ильича, и стоило ему только появиться на территории фабрики, как сотни людей стекались к нему.

Выступления вождя трехгорцы слушали, затаив дыхание, запоминая каждое его слово, каждый жест. Речи Ленина призывали к борьбе, к преодолению трудностей, вселяли в сердца рабочих уверенность в победе. Каждой фразе Ильича народ глубоко верил, каждое слово его дышало удивительной силой и мудростью.

Мне не раз доводилось видеть, как Ленин беседовал с рабочими и работницами, отвечал на все их вопросы и, в свою очередь, задавал вопросы — его интересовал их труд, быт, их настроение и взгляды на будущее.

Однажды, желая помочь трехгорцам в их тяжком продовольственном положении, Владимир Ильич дал им практический совет:

— Советую вам поступить вот как: приведите в порядок вагоны, почините паровозы и привозите себе хлеб. И не откладывайте, товарищи!

Трехгорцы поступили так, как советовал Ильич. В последующие приезды вождя на Трехгорку рабочие с благодарностью вспоминали его советы, принесшие реальные плоды.

Припоминаю посещение Владимиром Ильичем Трехгорки в день Всероссийского первомайского субботника 1920 года. Этот субботник трехгорцы проводили в Хорошове, причем ввиду большого количества участников субботника им было выдано продовольствие в половинном размере. После субботника со-

стоялся многолюдный митинг, на который приех
Владимир Ильич. Он вышел, помню, из машины, пр
близился к рабочим и запросто присел на брев
Ленина окружили, и началась задушевная бесед
Люди рассказывали о фабричных буднях, о радост
и огорчениях. Кто-то пожаловался на нехватку пр
дуктов, на «голодный паек».

Ленин слушал, не перебивая, и в знак согласия к
вал головой.

Затем Владимир Ильич объяснил, что нехватк
продуктов произошла не по вине организаторов суб
ботника. Дело в том, что по всей Москве на субботни
вышло гораздо больше народу, чем предполагали,
свой паек, сказал он, каждый обязательно дополучи
через два-три дня.

Какой-то пожилой рабочий попросил Ленина разъ
яснить значение Всероссийского коммунистического
субботника и осветить международное положение. Во
царилась тишина: все напряженно слушали Ильича
В глазах рабочих и работниц засияла надежда; раз
говоры о хлебе и пайках отошли на задний план.

Люди продолжали забрасывать Владимира Ильича
вопросами: когда кончится война, как дела на Украи
не, в Донбассе, на Дальнем Востоке, какие перспекти
вы с продовольствием и т. д.

На все Ленин обстоятельно отвечал, не забывая
вставить меткое, смешное слово, приободрить энтузиа
ста и высмеять паникера.

На память приходит последнее посещение Лениным
Трехгорки осенью 1921 года. Приезд был связан с соб
ранием, посвященным четвертой годовщине Октябрь

ской революции. Обширная столовая фабрики была битком набита. Все стулья, столы, подоконники, проходы были заняты.

После выступлений ряда товарищей, участников Октябрьского переворота, председатель поднялся и негромко сообщил:

— Внимание, товарищи! Слово предоставляется депутату Моссовета от нашей фабрики Владимиру Ильичу Ленину.

На сцену вышел Ленин, но начать свою речь ему долго не удавалось. Бурно аплодировал зал, слышались возгласы приветствия, работницы поднимали над головой своих детей.

Председатель был бессилен унять восторг присутствующих. Гул нарастал, и трудно было сказать, когда все это кончится и, наконец, заговорит вождь.

Владимир Ильич решительно приблизился к краю сцены и поднял левую руку. Все мигом замерло, воцарилась напряженная тишина, и Ленин начал свою речь.

Он говорил о жесточайших трудностях борьбы с врагами революции и рабочего класса, о коварстве и хитрости международной буржуазии, говорил суровую правду о наших хозяйственных трудностях.

Но пессимизма в его речи не было; в его словах был бодрый призыв к борьбе, уверенность в конечной победе рабочего класса.

* * *

В одно пасмурное октябрьское утро 1921 года я привез Владимира Ильича на Бутырский хутор, лежащий неподалеку от Москвы. На хуторе собралось

много народу — люди приехали сюда на испыта первого в России электроплуга.

Приезд Владимира Ильича с Надеждой Конст тиновной был неожиданностью для всех. Встретили с безыскусственной теплотой и благодарностью. Ле сразу же направился к месту, где стоял электричес плуг.

Начались испытания, и Владимир Ильич стал в мательно следить за каждым движением сложн механизма. Он задавал много вопросов, интересова конструктивными особенностями агрегата. Результа испытаний не удовлетворили Ленина, убедившего в том, что дорогостоящий электроплуг не обеспечива хорошего качества вспашки.

Всех присутствующих поразила тогда осведомле ность Владимира Ильича в сугубо технических воп сах.

— Покажите-ка мне ваше хозяйство, — обратил Ильич к директору Бутырского хутора и направил с группой товарищей на молочную ферму.

Осмотрев ферму и увидев здесь всюду идеальну чистоту, Ленин выразил свою радость по поводу выс кой культуры этого хозяйства. Еще больше обрадова ся он, когда узнал, что высококачественное молок с хутора отправляется в ясли и родильные дома И сразу же Владимир Ильич сделал вывод: над создать как можно больше таких пригородны ферм.

Все интересовало великого вождя: и удои коров и способы кормления, и организация труда, и урожа получаемые на хуторе, и система сортировки семян, условия быта рабочих — решительно все.

Провожая Ленина, присутствовавшие на испыта

нии, в том числе и изобретатели механизма, выразили ему свою благодарность за ценные указания и верные мысли. Владимир Ильич отмахивался и говорил:

— Ну что вы, что вы, товарищи! Какой я специалист, подумаешь! Приехал я просто так, из любопытства. И не жалею, что приехал. Хозяйство ваше мне очень, очень понравилось, спасибо!

ПРИЕЗД А. М. ГОРЬКОГО

Как-то раз осенью 1919 года меня вызвал к себе Владимир Ильич и сказал:

— Вот что: в Москву приехал Горький. Надо будет вечером привезти его сюда. Вот вам его адрес. Я позвоню вам позже и скажу, в какое время ехать.

Часа через два — телефонный звонок. Голос Владимира Ильича:

— Товарищ Гиль, мое свидание с Алексеем Максимовичем ровно в семь.

До семи часов оставалось еще порядочно времени, но я выехал тотчас же. Время было такое, что не во всякий дом попадешь сразу. Парадные двери, ворота и подъезды сплошь и рядом были заколочены. На розыски человека в незнакомом доме приходилось тратить много времени и усилий.

Алексей Максимович жил у своего сына Максима Пешкова в Машковом переулке, недалеко от Покровских ворот. Как и следовало ожидать, все парадные двери дома были наглухо заколочены. Попасть в квартиру Пешковых можно было только черным ходом, с задней части двора.

На мой звонок отворилась дверь и показался Максим Пешков.

— Можно видеть товарища Горького? — спросил я.

Я вошел в квартиру и увидел Алексея Максимовича, шедшего мне навстречу.

— Здравствуйте, товарищ! — сказал он, протягивая мне руку. — Вы от Ленина?

Я много слышал о Максиме Горьком, читал его произведения и, естественно, с любопытством смотрел на него. До этой встречи я не имел никакого представления о внешности великого писателя.

Передо мной стоял очень высокий худощавый человек, немного сутулый, одетый в простой, скромный костюм. Лицо темное и суховатое, глаза светлые и совсем молодые. Запомнился голос: низкий, зычный и по-волжски окающий, то-есть нажимающий на букву «о».

— Сию минуту иду, — сказал Алексей Максимович, надевая пальто. — Как мы поедем в Кремль?

Я подробно объяснил.

— А пропустят? — спросил он.

Я рассмеялся и сказал, что не задержат.

По пути Алексей Максимович расспрашивал о здоровье Владимира Ильича, о его поездках, о том, как он проводит свой досуг. С интересом рассматривал Горький улицы Москвы. У Троицких ворот Кремля нас остановили дежурившие красноармейцы.

— Я Горький, — сказал он и начал доставать документы.

— Пожалуйста, проезжайте, — сказали красноармейцы, и мы въехали в Кремль.

Вторая встреча с Алексеем Максимовичем произошла при невеселых для меня обстоятельствах. Я тогда

получил выговор. Это был первый и единственный выговор, который я получил за все годы работы с Владимиром Ильичем.

Владимир Ильич вызвал меня и попросил к четырем часам доставить к нему Алексея Максимовича. До четырех оставалось более часу, и я не торопился. Собираясь уже ехать, я обнаружил в своей машине поломку и решил сам заняться ремонтом, а вместо себя послать к Горькому своего помощника. Это был первый (и последний) случай, когда личное задание Ленина я перепоручил другому.

До четырех часов оставалось минут пятьдесят. Можно было без труда совершить не один, а два рейса от Кремля до Машкова переулка. Снаряжая помощника, я, очевидно, недостаточно точно разъяснил ему, как добраться до квартиры Горького. И поплатился за это.

Минут за пятнадцать до назначенного Лениным времени влетает в гараж мой помощник и с отчаянием заявляет:

— Я не мог найти квартиру Горького! Стучал во все двери бестолку!

Я был ошарашен. Время Владимира Ильича было чрезвычайно дорого, оно было рассчитано буквально по минутам. Он сам был чрезвычайно аккуратен, никогда не заставлял ждать кого-либо из приглашенных и не выносил неаккуратности других.

Я вскочил в машину и рванулся к воротам. До заветного часа оставалось несколько минут. Я уже не рассчитывал на исправление допущенной ошибки, хотелось лишь сократить опоздание.

Я помчался по улицам Москвы с невероятной скоростью. Прохожие изумленно останавливались, лоша-

ди шарахались в сторону. И вдруг — Горький... Едет на наемной извозчичьей пролетке.

Я обрадовался. Алексей Максимович, увидев меня расплатился с извозчиком и пересел ко мне в машину По пути я объяснил ему все.

— Дело дрянь, товарищ Гиль! — сказал Алексей Максимович, озабоченно разглаживая свои жесткие усы. — Прямо скажу — дрянь! Нагорит и мне и вам.

Я согласился, что дело действительно «дрянь», но прибавил, что нагорит не ему, а одному мне. Он посмотрел на меня и тихо рассмеялся.

— Надо что-нибудь придумать, — сказал он. — Не волнуйтесь, Гиль, я постараюсь уладить.

Алексей Максимович вошел в приемную Владимира Ильича с довольно большим опозданием.

Часа через два я провожал Горького домой.

— Ну что, Алексей Максимович? — спросил я.

Он сокрушенно махнул рукой:

— Часть вины я взял на себя. Да разве Владимира Ильича обманешь?

Вечером я явился к Владимиру Ильичу в кабинет и стал объяснять происшедшее. Прохаживаясь и заложив пальцы за проймы жилетки, он слушал меня не перебивая. Потом сказал:

— Ну ладно, забудем этот случай. Надеюсь, больше не повторится.

На следующий день управляющий делами Совета Народных Комиссаров, знавший об этом происшествии, за своей подписью объявил мне в приказе выговор за невыполнение поручения товарища Ленина.

Я не сказал об этом Владимиру Ильичу. Меня не так огорчил выговор управляющего делами, сколько

сознание, что я своим поступком нарушил порядок работы Ленина.

Владимир Ильич был чрезвычайно аккуратен. Куда бы мы с ним ни направлялись, он заранее определял, когда мы должны приехать. Если мы приезжали вовремя, Владимир Ильич говорил: «Замечательно, уложились!» Если мы почему-либо опаздывали, Ленин, в зависимости от причин опоздания, говорил: «Плохо, не уложились!», или: «Ну, это не по нашей вине, задержали».

Если кто-либо опаздывал даже на несколько минут, Владимир Ильич всегда выговаривал опоздавшим, часто, правда, в шутливой форме; бывало посмотрит на часы и скажет: «Что-то мои часы забегают вперед, надо проверить. Как по вашим время?»

ЛЕНИН СРЕДИ РОДНЫХ

Как уже было сказано, летом 1918 года Владимир Ильич отдыхал в Тарасовке. Здесь в двухэтажном здании, на втором этаже, Ленин и Крупская имели две комнаты. Они приезжали сюда обычно в субботу поздно вечером и покидали дачу на рассвете в понедельник. Мария Ильинична, сестра Ленина, часто сопровождала их в поездках за город.

Помню эпизоды нашего возвращения в Кремль. Рано утром, почти на заре, Владимир Ильич тихо подкрадывался ко мне и будил:

— Вставать пора, товарищ Гиль, в город будем собираться. Давайте-ка бесшумно выкатим машину, чтобы Надежду Константиновну и Марью Ильиничну не будить.

Не заводя машину, мы общими усилиями выкатывали ее из гаража во двор и, не поднимая шума, уезжали в Москву. А часов в восемь-девять утра Ильич говорил мне:

— Ну, а теперь возвращайтесь в Тарасовку, привозите Надежду Константиновну и Марью Ильиничну!

Отношение Ленина к родным и близким — сестрам, брату, супруге, племяннику — меня всегда восхищало. Перегруженность работой не мешала Ильичу постоянно осведомляться, позавтракала ли Надежда Константиновна, не устала ли от заседания Мария Ильинична, достаточно ли тепло в квартире у Анны Ильиничны, и т. д.

— Товарищ Гиль, — сказал мне однажды Владимир Ильич, — вот вам теплый плед, возьмите его в машину и уговорите Надежду Константиновну пользоваться им. — При этом Владимир Ильич показал, как следует потеплее кутать ноги.

Зная, что Надежда Константиновна сама не следит за своим здоровьем и не любит возиться с теплыми вещами, Владимир Ильич обратился за содействием ко мне.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Кремле, рядом с помещением Совета Народных Комиссаров. Их квартира находилась на третьем этаже, лифта в первые годы не было, и приходилось взбираться по крутой высокой лестнице. Владимир Ильич никогда не жаловался на высоту и трудность ходьбы, но много раз огорчался тем, что Надежде Константиновне приходится перегружать больное сердце непосильной ходьбой.

— Привозите ее, товарищ Гиль, не к главному подъ-

езду, а к боковому, через арку, — сказал мне как-то Владимир Ильич.

Оказалось, что боковая лестница была отложе и взбираться по ней было легче, чем по главной.

Владимир Ильич вызвал меня однажды и стал расспрашивать, где и как можно достать закрытый автомобиль для Надежды Константиновны. При этом он объяснил, что Надежда Константиновна, несмотря на зимнюю стужу, продолжает пользоваться открытой машиной.

— Разгорячится у себя в Наркомпросе на заседании и выходит прямо на холод. Одевается она плохо и может легко простудиться, — сказал Владимир Ильич.

Я вспомнил, что в одном из гаражей Петрограда находится закрытый автомобиль «Роллс-Ройс» с утепленной кабиной, и посоветовал затребовать эту машину.

— Отлично, — согласился Владимир Ильич, — мы затребуем ее в Москву. Только надо дать им взамен другую машину. Непременно. Договоритесь-ка с ними.

Владимир Ильич имел привычку обедать ровно в четыре часа. Он прививал привычку обедать в одно и то же время всем окружавшим его. Он бывало говорил:

— Работать и отдыхать можно в любое время, но обедать надо непременно в один и тот же час!

Владимир Ильич следил за тем, чтобы и Надежда Константиновна обедала во-время.

— Не ждите, пока она выйдет, — говорил мне Владимир Ильич, — поднимитесь к ней и требуйте, чтобы она немедленно отправлялась домой обедать.

Ровно без четверти четыре я появлялся в служебной комнате Надежды Константиновны. И она издали

кивала мне головой: готова, дескать. И тотчас же спускалась вниз.

Сидя рядом со мной в машине, Крупская ежедневно спрашивала, где был в этот день Владимир Ильич, куда я возил его, кто из товарищей приезжал к нему. Если Владимир Ильич ездил в воскресенье на охоту, Надежда Константиновна спрашивала после, как прошел у нас день. И всегда внимательно выслушивала мои рассказы об охоте, о прогулках и поездках.

Множество раз я видел Ленина и Крупскую вместе в домашней обстановке. Характерной чертой их взаимоотношений было безграничное и глубокое уважение друг к другу.

Когда Надежда Константиновна захворала, Владимир Ильич очень беспокоился. Он просил устроить ее неподалеку от Москвы, в тихом месте. Ленин был доволен, что местом для лечения и отдыха была выбрана не больница или дом отдыха, а лесная школа в Сокольниках. Ленин считал, что Надежда Константиновна будет хорошо себя чувствовать в детской среде. В дни болезни Надежды Константиновны он часто по вечерам посещал ее.

Ленин ежедневно звонил к профессору Ф. А. Гетье, лечившему Крупскую, и детально расспрашивал о ходе ее болезни. Иногда Владимир Ильич обращался к доктору В. А. Обуху с просьбой посетить Надежду Константиновну.

Кажется, осенью 1921 года профессор Гетье установил у Надежды Константиновны сильную простуду и переутомление и предписал ей двухнедельный отдых. Но она наотрез отказалась отдыхать, так как время было горячее.

Профессор Гетье «пожаловался» Владимиру Ильичу.

Ленин решил прибегнуть к решительным мерам. Он официально, как глава правительства, предписал заместителю Народного комиссара просвещения товарищу Крупской взять полумесячный отпуск. Надежде Константиновне оставалось только подчиниться.

Владимир Ильич был очень привязан к своей сестре Марии Ильиничне. Он называл ее «Маняшей» и часто проводил свой досуг в ее обществе.

В скромной квартире Ленина все хозяйство вела Мария Ильинична. Она любила порядок и чистоту, умела правильно организовать питание. Мария Ильинична знала все привычки Владимира Ильича и старалась устроить жизнь брата так, чтобы он ни в чем не ощущал неудобства.

Бывало так: Владимир Ильич соберется на прогулку или в театр и тотчас же звонит Надежде Константиновне:

— Непременно Маняшу пригласи. Убеди ее поехать с нами.

В дни болезни Владимира Ильича Мария Ильинична и Надежда Константиновна ночами просиживали у его постели.

Анна Ильинична Ульянова жила отдельно, в одном из домов на Манежной улице, и видеть ее в обществе Ленина и Крупской мне приходилось реже.

Помню, в летние дни приезжала Анна Ильинична в Горки со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым. Владимир Ильич всегда радовался их приезду, радушно принимал их и старался подольше удержать у себя. Вместе ходили в лес собирать грибы, вместе катались на лодке, играли в крокет.

Анна Ильинична как-то заболела. Владимир Ильич часто ездил к ней, посылал врачей, уговаривал ее поселиться где-нибудь под Москвой, в тихом и здоровом месте. Анна Ильинична поселилась в Покровском-Стрешневе, в доме отдыха «Чайка». Владимир Ильич был искренно рад этому и часто приезжал туда.

Дмитрия Ильича Ульянова, младшего брата Владимира Ильича, я встретил впервые весной 1921 года. Произошло это так.

Вызвал меня однажды Владимир Ильич и сказал:

— Сегодня из Крыма приехал мой брат, Дмитрий. Надо поехать за ним в гостиницу «Россия» и привезти в Кремль. В четыре часа ждите его у подъезда.

Владимир Ильич рассказал при этом, что Дмитрий Ильич работал зам. председателя Совнаркома Крымской республики, описал его внешность и прибавил, что раньше он был земским врачом.

Ровно в четыре я подъехал к главному входу гостиницы «Россия», помещавшейся на Лубянской площади. У входа стоял среднего роста человек, с темной бородой, в полувоенном костюме. В облике его было мало сходства с Лениным. Заметив меня, он походкой, напоминающей ленинскую, быстро и легко подошел и спросил:

— Вы не товарищ Гиль?

— А вы — Дмитрий Ильич?

— Он самый. Будем знакомы.

И мы поехали в Кремль.

Братья часто охотились вместе и много беседовали.

В Горках Владимир Ильич вместе с Дмитрием Ильичем совершали прогулки по окрестностям, а затем усаживались в парке на скамье и долго-долго беседовали.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ НА ДОСУГЕ

Владимир Ильич Ленин, как известно, был беспримерным тружеником. Вся его жизнь прошла в напряженном труде.

Но Владимир Ильич умел и отдыхать. Видеть его за работой мне лично почти не приходилось, зато его досуг очень часто проходил на моих глазах. Ильич умел строить свой отдых так, что эти немногие часы досуга заряжали его бодростью на многие дни.

Лучшим видом отдыха Владимир Ильич считал воскресные поездки за город. «Подальше от городского шума, подальше от Москвы!» — говорил он, выбирая в субботу место для предстоящей поездки.

— Ну, товарищ Гиль, что будем завтра делать? — обращался ко мне Владимир Ильич по субботам в первые месяцы жизни в Москве.

Он раскладывал на столе карту Москвы и выбирал какое-нибудь мало известное ему предместье.

— Вот, например, Рублево... Не знаете, Гиль, что за место?

— Впервые слышу, Владимир Ильич, — отвечал я. Уроженец Петербурга, я никогда раньше не бывал в Москве и ознакомиться с окрестностями еще не успел.

— Не знаете? Ага! Ну, тем лучше. Давайте узнавать.

И мы отправлялись наугад за пятьдесят-шестьдесят километров от Москвы. Если время было весеннее, охотились на вальдшнепов и глухарей. Летом больше купались, бродили по лесам, отдыхали на траве, собирали грибы. С наступлением осени — опять охота: тетерева, зайцы.

Зима была излюбленным временем года Владимира Ильича для хорошего отдыха на свежем воздухе. Все зимние воскресные дни он проводил на автосанях и на лыжах. Владимир Ильич был отличным охотником и понимал все тонкости охотничьего искусства. Он хорошо знал, как следует подходить к тому или другому зверю или птице, как приблизиться к ним в какой момент стрелять и когда пускать собаку. Он умел по солнцу определять направление и никогда не пользовался компасом. В незнакомой лесистой местности Ленин ориентировался по деревьям, как заправский охотник.

Желая сделать охоту более интересной, я решил пригласить специалиста-егеря. Он должен был сопровождать Владимира Ильича на охоте. Одновременно егерь должен был исполнять обязанности второго шофера.

— Правда ли, что вам нужен помощник? — спросил у меня Владимир Ильич и хитро прищурился. — Если вы хотите взять его только как егеря, — запрещаю!

— Да нет, Владимир Ильич, мне нужен помощник в гараже!

— Ну ладно, тогда берите.

С тех пор Ленина сопровождал на охоте егерь Плешаков, умевший хорошо ее организовать. Владимир Ильич высоко ценил охотничьи познания Плешакова.

Владимир Ильич не гнался за добычей. Он любил самый процесс охоты, длительные переходы, лес, воздух. Добыча была для Ильича не целью охоты, а результатом. Нередко он поручал мне отдавать всю нашу воскресную добычу знакомым, товарищам по работе.

— Сделайте это незаметно, — поручал Владимир Ильич, — позвоните, вам откроют, и вы, ни слова не говоря, кладите птицу в передней и тотчас же уходите. Понятно вам?

Я смеялся и говорил, что вполне понятно.

Однажды на охоте произошел такой случай. Владимир Ильич тихо пробирался по густому лесу, держа ружье наперевес. Неожиданно навстречу медленно, спокойно вышла лисица. Это было очень красивое животное, с пушистым яркозолотистым мехом. Владимир Ильич, пораженный красотой лисицы, замер. Он не выстрелил, хотя лисица прошла очень близко и медленно. Я издали наблюдал эту сцену.

Когда на охоте к Владимиру Ильичу присоединялся кто-нибудь, Владимир Ильич обычно ставил условие:

— Чтобы не было анархии! Будем подчиняться Плешакову. Уж он знает, как лучше поступить. А вы, товарищ Плешаков, приказывайте, командуйте, не стесняйтесь.

Очень нравилось Владимиру Ильичу село Завидово, в ста километрах от Москвы. Здесь было крупное охотничье хозяйство. Охота проходила под руководством старшего егеря Порошина. Ленин страстно увлекался большой охотой — с лошадьми и собаками. Но ездить в Завидово было далеко, и Владимир Ильич побывал там всего несколько раз.

Интересны были наши летние поездки за город. Каждое свободное вокресенье было для Владимира Ильича днем, обещающим много разнообразных впечатлений. В этих воскресных прогулках он черпал бодрость на всю неделю.

Мы уезжали обыкновенно в субботу вечером и возвращались в понедельник утром. Места выбирались наугад, отдаленные и незнакомые.

С весны 1919 года Владимира Ильича нередко сопровождала Мария Ильинична.

Подъезжаем бывало к какой-нибудь тихой деревушке; Владимир Ильич просит остановить машину и идет знакомиться с крестьянами, искать ночлег.

— Владимир Ильич, не зайдем ли сюда? — предлагал кто-нибудь, указывая на красивый и солидный дом.

— Нет, — отказывался Ленин, — вот куда мы зайдем, — и вел в простую, маленькую, но опрятную избу.

Владимир Ильич предпочитал останавливаться у бедных крестьян. С ними у него разговор завязывался лучше, интимнее. Побеседовав и поужинав в избе продуктами, купленными у крестьян или захваченными с собой, Владимир Ильич обращался к хозяину:

— Ну, а теперь спать! Встанем на заре — и айда в лес! Ведите-ка нас на сеновал.

Владимир Ильич ничего другого, кроме сеновала, для ночлега во время поездок не признавал. Бывало хозяин пытается создать гостям «комфорт»: постелить что-нибудь или дать подушки. Владимир Ильич всегда решительно возражал:

— Ничего, пожалуйста, не делайте! Вот так, просто на сене, и будем спать. Никаких подстилок! Не то впечатление будет, не то удовольствие!

Если с Владимиром Ильичем приезжали в деревню курящие (Ильич не курил и не любил табачного дыма), он им обычно говорил:

— Курильщики! Ну-ка, накуривайтесь, чтоб ни одного курильщика ночью! Иначе — под суд!

Случилось, что кто-то ночью, тайком, закурил. Владимир Ильич поднялся и сказал:

— Как вы могли это сделать? Ведь это неслыханно — курить на сеновале!

Укрывался Владимир Ильич по обыкновению своим пальто или пледом, а утром ходил к колодцу или к реке умываться.

Его примеру следовали остальные.

Рано начинался день ленинского отдыха, — день движения, охоты, собирания грибов, лежания на траве, бега взапуски.

В понедельник утром Владимир Ильич покидал лес, деревню или реку обновленный и бодрый. Наступала неделя огромной и сложной деятельности вождя.

В часы своего досуга Владимир Ильич любил общаться с самыми разнообразными людьми, заводить беседы со случайными прохожими, особенно с крестьянами. «Послушайте, где тут река недалеко?», «Эй, ребята, где вы столько грибов собрали? Научите-ка нас!»

Нередко бывало так: въедет наша машина в деревню, а ребятишки гурьбой бегут за ней. Владимир Ильич предлагал:

— Давайте остановимся, насажаем ребят.

Ильич помогал детворе влезть в машину. По пути он шутил, смеялся, расспрашивал ребят о всякой всячине.

— Держитесь лучше! — говорил Ленин. — Держитесь! Ну, а теперь, — говорил он через некоторое время, — хватит, а то заблудитесь!

— Да ничего, дяденька! Мы по грибы за пять верст ходим!

* * *

Как-то раз зимой, видимо, очень переутомившись, Владимир Ильич высказал желание поехать на несколько часов за город, побродить по лесу и подышать свежим зимним воздухом.

— Владимир Ильич, — предложил я, — хотите я вас к Сенежскому озеру свезу? Там хорошо, кругом лес, тишина. Можно походить на лыжах, и поохотиться есть где.

Ильич ухватился за это предложение.

— Верно, верно! Уж если поехать, то нужно и поохотиться.

Он попросил приготовить на утро машину и выехать с таким расчетом, чтобы провести там день, а к вечеру вернуться в Москву, где ему надлежало присутствовать на каком-то важном совещании.

Рано утром я заправил машину, жду Владимира Ильича. Он не идет. Зная его аккуратность, я заподозрил: не передумал ли он? Не разохотился ли?

Но тут Ильич выходит в дубленом полушубке, с лыжами и ружьем в руках, довольный и жизнерадостный. Укладывает в машину лыжи и весело говорит:

— Ну и задам же я перцу сегодня зайцам!—И тут же спохватился: — А может, никаких зайцев там и в помине нет, а?

— Да уж будьте покойны, Владимир Ильич, — заверил я, — не зря едем. Жаль только, что сейчас не лето, ведь там озеро большое — глаз не оторвешь. Диких уток, рыбы — хоть руками бери.

Я завел машину, и мы поехали. Миновали Фирсановку, Крюково, а вскоре показалось и озеро. Я оста-

новился у конного завода, у крыльца небольшого домика.

Навстречу нам вышел начальник завода и удивленно остановился.

— Будем знакомы: Ленин, — коротко отрекомендовался Владимир Ильич и протянул руку.

От неожиданности начальник застыл на месте, но скоро освоился и пожал протянутую руку.

Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Не удивляйтесь, пожалуйста: захотелось отдохнуть и подышать свежим воздухом. Давненько не видел я ни зимнего неба, ни леса. И поохотиться бы недурно!

— Очень рад, — приветливо отвечает начальник, — милости прошу. Пожалуйте ко мне в дом, отдохните, вакусите с дороги. Чем богаты, тем и рады!

Владимир Ильич просит не беспокоиться и проходит вслед за ним в дом. Приглашает и меня. На столе пыхтит самовар.

Жена начальника расставляет посуду, собирает завтрак. Узнав, что перед ней Ленин, она растерянно опустилась на стул. Ильич заметил ее смущение и стал шутить, задавать вопросы. Очень скоро смущение рассеялось, и в комнате воцарилась непринужденная атмосфера. То и дело раздавался смех.

Хозяйка предложила перед охотой поесть щей.

— Спасибо, спасибо, — сказал Владимир Ильич, — я с собой захватил всякой снеди, посмотрите-ка!

Он развязал узелок и вынул завтрак. Но хозяйка все же подала гостю тарелку щей.

Владимир Ильич достал из узелка бутерброды и положил на стол, а сам с удовольствием принялся за горячие щи.

Затем пришел местный егерь — специалист по зимней охоте, — и завязался оживленный разговор.

Отдохнув, направились в лес. Охота была совсем неудачной. Ходили, ходили, — хоть бы ничтожный заяишка перебежал дорогу. Даже и следа нет.

— Вот досада, — приговаривал Ленин, — хоть бы общипанный какой выскочил!

Спутникам Владимира Ильича стало как-то неудобно, словно они были виноваты в отсутствии зайцев.

Он принялся утешать их:

— Не горюйте, чепуха! Да разве мне важны зайцы. Может, встретив их, я и не стал бы стрелять. Рад, что походил, настоящим воздухом подышал, а зайцы — пустяк.

Побродив по лесу без единого выстрела, Владимир Ильич в сумерки вернулся на конный завод. Здесь уже ждал самовар, но гость поблагодарил за внимание и заторопился в Москву.

По пути домой Владимир Ильич делился впечатлениями о поездке, давал меткие характеристики нашим спутникам по неудачной охоте, весело шутил. Трудно было представить, что пройдет час-два и этот простой человек в полушубке будет председательствовать на правительственном заседании, где решаются важнейшие государственные дела.

Помнится, весной 1920 года отвез я Владимира Ильича в Завидово. Там нас по обыкновению ожидал егерь Порошин.

Охота на глухарей приходила к концу. Прибыли мы к Порошину вечером: должны были выйти рано утром, затемно, чтобы к рассвету быть на месте. Пройти нужно было от дома километра два. Сидим у Поро-

шина, пьем чай и сговариваемся, кому куда итти. Решено было разбиться по группам: одни отправятся на тетеревов, другие — на глухарей.

— Итак, кто куда? — спрашивает Владимир Ильич.

— Мы пойдем на тетеревов, — говорят одни.

— А вы, товарищ Гиль? — интересуется Ильич.

— С вами, на глухарей, Владимир Ильич.

С нами пошел сын Порошина. Старик отправился с любителями тетеревов.

Была сильная распутица, снег еще не стаял, всюду стояли лужи. А ток находился на самом болотистом месте. Приближаясь к цели, молодой егерь предупредил нас, что теперь надо очень осторожно подходить: токовик где-то близко.

Движемся медленно, ощупью — рассвет еще не наступил. Впереди сын Порошина, за ним Владимир Ильич, я замыкаю шествие. Наконец подошли к заветному месту. Стоим, не шевелясь, почти по колено в воде. Через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут должны прозвучать глухариные голоса. Стоять в воде холодно, и мы садимся на пень. Владимир Ильич совсем озяб, у меня тоже зуб на зуб не попадает, но все-таки не шевелимся.

Видим: горизонт начинает сереть, а току все нет и нет.

Сын Порошина шепчет:

— Неужели опоздали?

Владимир Ильич молча пожимает плечами. Ждем еще некоторое время, но результатов никаких.

— Как же дальше? — спрашивает Ильич.

Молодой егерь огорченно говорит:

— Почему вы не приехали тотчас же после получения нашей телеграммы? Следовало приехать сразу,

а прошла уже неделя. Вчера я проверил, глухарей было еще вдоволь. Эх, проворонили!

Незаметно стали говорить громко. Делаем несколько шагов, чтобы согреться. Вдруг слышим шорох, в воздух взвился крупный глухарь.

— Что это? — спрашивает Владимир Ильич.

Молодой Порошин отвечает:

— Опоздали, очевидно, ток уже кончился.

Владимир Ильич очень сожалел, что так неудачно прошла охота.

Домой мы пришли первые. Вскоре вернулся старый егерь со своими спутниками.

— Ну как дела? — спрашивает Ильич по-охотничьи. — С полем?

— С полем, — отвечают по-охотничьи же, показывая полные сумки. — А вы попами?

— Да, — с деланым трагизмом отвечает Владимир Ильич, — попами.

Выпив чаю и отдохнув, мы поехали в Москву.

Неудачна была на этот раз охота, но Владимир Ильич был в хорошем настроении, шутил и смеялся.

В другой раз, уже осенью того же года, поехали мы на утиную охоту по направлению к Кашире. С нами были Дмитрий Ильич Ульянов, егерь и еще трое товарищей. Остановились, недоезжая Михнева. Дмитрий Ильич отлично знал эти места: он работал здесь когда-то земским врачом. Неподалеку находился пруд, но, чтобы добраться до него, надо было с шоссе свернуть на проселочную дорогу. Накануне шел дождь, кругом стояла непролазная грязь, продолжать путь было рискованно. Я не был уверен, доберемся ли мы благополучно до пруда, но все же двинул автомобиль

вперед. Не успели отъехать саженей пять-десять от шоссе, как передняя часть машины погрязла в топкой глине.

— Теперь приехали, — говорю я.

— Надо помочь, — сказал Владимир Ильич, выходя из машины.

— Нет, уж лучше вы, Владимир Ильич, идите охотиться, — посоветовал я, — а мы сами что-нибудь придумаем.

Владимир Ильич не сразу, но все-таки согласился и отправился к пруду, сопровождаемый Дмитрием Ильичем и егерем.

Мы канителились часа два. Нарубили елок, березовых веток, подложили под колеса и вытащили машину, выбрались из грязи. Все мы при этом порядком вымазались в глине.

К этому времени вернулись охотники. Первым шел Владимир Ильич. Он был оживлен, весел, за плечами висели трофеи — убитые утки.

— Ну что, устали? — спрашивает Ильич. — Давайте отдыхать!

Решили закусить. Расселись и стали раскладывать свои скромные запасы пищи. У одного из нас оказалось немного вина. Владимир Ильич первый предложил:

— Надо подкрепить силы. Выпейте-ка, товарищи!

Некоторые стеснялись пить. Ильич это заметил.

— Если пьете, нечего стесняться. Пожалуй, и я с вами выпью за компанию, и я продрог.

И тут в первый и последний раз я увидел Владимира Ильича с рюмкой вина в руке.

Я всегда удивлялся тому, насколько он ограничивал

себя во всем. Сидим бывало группой охотников, кусываем. Ильич всем предлагает бутерброды:

— Кушайте, товарищи, кушайте!

Всех старается угостить, а сам съест один бутерброд — и все. А то бывало возьмет кусок черного хлеба, посолит погуще, выпьет два стакана чаю — и сыт.

...В октябре теплым осенним утром Владимир Ильич отправился охотиться на дупелей и бекасов. Мы приехали в деревню Молоково. Неподалеку протекала Москва-река. Ночью прошел дождь, и кругом было много глубоких луж.

Дошли мы до какого-то мостика. Чтобы взобраться на него, надо было перепрыгнуть через довольно широкую канаву.

— Ну-ка, прыгнем! — сказал Владимир Ильич.

Он перепрыгнул, однако не совсем удачно, и набрал воды в сапоги. Ощущение, вероятно, было неприятное, но Владимир Ильич не подал и виду, а спокойно выбрался на сушу, посмеиваясь над своей неловкостью.

Через несколько минут мы были на мосту, уселись на какой-то балке. Кругом — ни души. Я попытался помочь Владимиру Ильичу стащить сапоги, полные воды, но он решительно запротестовал и принялся снимать их сам.

Я стоял рядом. Владимир Ильич, не торопясь, снял сапоги, промокшие носки и развесил на барьере моста. Вся эта амуниция сушилась на осеннем солнце медленно, и мы более часа просидели там.

Владимир Ильич увлекательно рассказывал о жизни за границей, рассказывал, как проводят свой досуг французы, бельгийцы, швейцарцы.

Солнце засветило ярче, Москва-река стала искриться. Мы пошли дальше. Охотились мы в этот день до сумерек. Злоключение у моста было забыто. Владимир Ильич охотился с юношеским увлечением.

В один из воскресных дней я повез Владимира Ильича по обыкновению далеко за город. Мы остановились в селе Богданихе, километрах в десяти от Горок. Владимир Ильич, как я уже говорил, любил делать остановки в незнакомой местности, заводить разговоры со встречными крестьянами.

Так было и в Богданихе, куда мы попали в это утро. Владимир Ильич вышел из машины и отправился к избам. Навстречу шла группа крестьян-бедняков. Среди них случайно оказался старик, побывавший у Ленина крестьянским ходоком. Он узнал Ильича и тотчас же сказал об этом спутникам. Ленина тесно окружили, завязался разговор.

Вскоре вокруг Владимира Ильича собралась изрядная толпа крестьян. Всем хотелось посмотреть на Ленина, услышать его речь и задать вопрос. Ильич внимательно выслушивал каждого и охотно отвечал.

Из толпы вдруг выдвинулся старый, седой крестьянин и обратился к односельчанам:

— Послушайте-ка, люди! Вот перед нами самый главный большевик — Ленин. Давайте расскажем ему про нашу беду. Кто же, как не он, поможет нам...

Люди заговорили сразу. Стараясь друг друга перекричать, они стали говорить Ленину о чем-то очень серьезном и, повидимому, наболевшем. Владимир Ильич остановил их.

— Так, товарищи, не годится. Я ничего не пойму, если говорить будете сразу. Выберите одного, который

сможет мне толком все рассказать. А вы слушайте и если он что-нибудь пропустит или скажет не так, поправьте его.

Выбрали седобородого деда. Тот рассказал Владимиру Ильичу о безобразии, царящем в их селе. Оказывается, сельский совет, нарушив законность, отобрал у бедняков весь хлеб и посевной материал. У людей не осталось ни фунта муки и ни одной картофелины.

Владимир Ильич слушал с напряженным вниманием. Выслушав крестьян до конца, он попросил написать ему об этом на бумаге, не упустив ни одного факта, ни одной фамилии.

— Обязательно все точно опишите, чтобы я не забыл или не перепутал. Здесь орудуют враги, стремящиеся вызвать недовольство крестьян. Расследуем и вздуем кого следует, — сказал Ленин (Владимир Ильич любил употреблять слово «вздуть»).

Часа через три, на обратном пути, мы опять остановились в Богданихе. Письмо уже было готово. Ленин бережно спрятал его в карман, попрощался с крестьянами, и мы уехали. Ленин отправил письмо со своими замечаниями в ВЧК.

Предположение Владимира Ильича оказалось верным. В деревне действовали враги советской власти — кулаки и преступники. Кулацкое гнездо было раскрыто и разгромлено.

* * *

Об осени 1920 года почему-то сохранилось больше всего воспоминаний. Помню еще эпизод.

В один из воскресных дней Владимир Ильич отпра-

вился на машине в деревню Монино, расположенную в семидесяти километрах от Москвы по Северной дороге.

По словам одного егеря, проживавшего в Монино, лес, примыкавший к деревне, представлял собой прекрасное место для осенней охоты на зайцев и тетеревов.

В Монино мы ехали впервые. Нас встретил знакомый егерь и повел в небольшой, очень опрятный дом, стоявший в центре деревни. Владимир Ильич обратил внимание на то, что домик, в который мы направлялись, стоит рядом с церковью.

Хозяин встретил нас радушно, просил располагаться по-домашнему. Это был пожилой статный мужчина, мало напоминавший крестьянина, скорее похожий на учителя или агронома. Бросались в глаза книги, стоявшие на полках.

Общительность Владимира Ильича нашла живой отклик в нашем гостеприимном хозяине. Владимир Ильич любил беседовать с людьми, умел вызывать собеседника на откровенность.

— Ну, расскажите, товарищ Предтечин, — обратился Владимир Ильич к хозяину, — как живут ваши крестьяне, что думают они о советской власти. каковы их настроения.

Предтечин, не подозревавший, что с ним говорит Ленин, охотно и остроумно рассказывал, как жили крестьяне до революции, как восприняли они советский строй. Затем заговорили о сельском хозяйстве, о житье-бытье отдельных крестьянских семейств, о будущем советской деревни. При этом наш хозяин обнаружил очень любопытные взгляды на быт крестьянина и высказал Ленину интересные мысли о сельском хозяйстве.

— Да, все это чрезвычайно интересно, — сказал Владимир Ильич. — Вы, должно быть, агроном? Нет?

— Нет... — уклончиво ответил Предтечин и немного смутился.

Ленин поднялся и сказал:

— Ну, а теперь — в лес! На охоту! Пойдемте с нами, товарищ Предтечин, — предложил он хозяину.

Тот согласился, принес из соседней комнаты ружье, и мы двинулись в путь.

Мы углубились в лес. Собаки были пущены вперед, руководил охотой егерь. Мы разделились на две группы: Владимир Ильич и Предтечин пошли вправо, я с егерем — влево. Как-то неожиданно егерь обратился ко мне:

— Какая, по-вашему, профессия у этого Предтечина? Вот удивлю вас: он священник, служитель культа.

— Что? Поп? Вы шутите...

— Нисколько. Он служит в той самой церкви, что рядом с его домом. Но он не такой, как все попы... Он не фанатик. Видите — на охоту пошел с нами.

Я решил тотчас же сказать об этом Владимиру Ильичу. Вот, думаю, будет изумлен! Возмутится, вероятно, что его привели в избу попа.

Но сказать об этом удалось только к вечеру, когда мы возвращались с охоты.

Охота была удачная: у каждого из нас висело много убитых зайцев. Владимир Ильич был в отличном расположении духа.

Приближаясь к дому Предтечина, мы с Владимиром Ильичем немного отстали, и тут я сказал ему:

— А ведь Предтечин вовсе не агроном и не учитель, а поп.

Ленин остановился и недоверчиво сощурил на меня глаза.

— Как так — поп? Вероятно, бывший?

Я объяснил, что вовсе не бывший. Владимир Ильич сначала отказывался верить. Через несколько минут между Лениным и Предтечиным завязался разговор, который остался у меня в памяти навсегда.

— Послушайте, — начал Владимир Ильич, — о вас ходят слухи, что вы священник. Что это — правда?

— Правда. Я состою в духовенстве около двадцати лет.

— Не пойму, какой же вы священник? Голова у вас стриженая, одежда обыкновенная, и на моих глазах вы убивали животных!

Предтечин улыбнулся и после паузы сказал:

— Я понимаю ваше недоумение. Моя внешность и мое поведение не в ладу с религией... Это правда.

— А убеждения? Неужели вы служите религиозному культу по искреннему убеждению?

Предтечин, видимо, понял, что перед ним человек, с которым надо говорить откровенно или вовсе прекратить разговор.

— Видите ли, — произнес Предтечин, — я служитель культа только в известные часы, по воскресеньям...

— Как вас понять?

— Убеждения не всегда идут в ногу с профессией. В жизни это наблюдается часто.

Владимир Ильич понимающе улыбнулся и сказал:

— А ведь всю жизнь кривить душой — это страшно, а? Сознайтесь!

Предтечин развел руками и уклончиво ответил:

— Я сам частенько удивляюсь: видит меня вся деревня, знает, что я направо и налево нарушаю религиозные правила, а ходят в церковь, слушают и верят мне.

— А почему бы вам не отречься? Вы могли бы заняться каким-нибудь полезным трудом.

Предтечин махнул рукой:

— Поздно. Возраст не тот... В мои годы заняться каким-нибудь ремеслом — трудно. А церковь меня обеспечивает все-таки. С этим надо считаться... Мой дед был попом, отец — тоже, ну и я пошел по той же стезе. Инерция! И что самое удивительное — ведь и отец и дед очень смутно верили... Одно слово — профессия!

Мы приблизились к дому Предтечина. Уже вечерело. Надо было собираться в путь, чтобы до наступления ночи прибыть в Москву. Прощаясь с Владимиром Ильичем, Предтечин как-то виновато сказал:

— Не осудите, гражданин, — много на этом свете всяких противоречий... Вы приезжайте к нам, поохотимся.

Эта встреча произвела впечатление на Владимира Ильича. Сидя рядом со мной в машине, он сказал:

— Видели, товарищ Гиль, на чем держится религия?

Как-то раз зимой Владимир Ильич, проезжая мимо одной подмосковной станции, увидел церковь, из которой валом валил народ. Был, очевидно, праздник. Владимир Ильич засмеялся и сказал:

— А помните, Гиль, как мы с попом охотились? «Профессия, — говорил он. — Инерция!»

* * *

В декабре 1920 года в одну из суббот, вечером, Владимир Ильич звонит мне:

— Я хотел бы, товарищ Гиль, поехать завтра куда-нибудь подальше, верст за семьдесят. В порядке у вас автосани?

— В полном порядке.

— А во сколько времени, по-вашему, мы пройдем семьдесят верст?

Я объяснил, что все зависит от дороги и снежных заносов. Если заносы не очень сильные, доедем часа за четыре.

— Ну тогда выедем пораньше, часов в шесть утра.

Я подготовил машину, и рано утром, задолго до рассвета, мы двинулись в путь. Утро было морозное, ветреное, но это не остановило Владимира Ильича от далекой поездки.

Ехали мы по Ленинградскому шоссе. Дорога была очень снежная, но довольно ровная, и мы доехали к месту за три с половиной часа.

Несколько часов подряд охотился Владимир Ильич на лисиц и, невзирая на холод, все дальше углублялся в чащу леса. Весь день он не сходил с лыж. Я не отходил от машины, прогревал ее.

С наступлением сумерек отправились в близлежащий совхоз греться и пить чай.

В шестом часу вечера мы двинулись обратно, надеясь часам к девяти быть дома. Но тут случилось происшествие, о котором Владимир Ильич потом весело, с юмором рассказывал.

Стоял двадцатиградусный мороз. В открытом поле гулял жестокий ветер. Отъехали километров пятна-

дцать, миновали станцию Подсолнечная, и вдруг машина стала «постреливать». Смотрю: давление воздуха в бензиновом баке нормальное, значит — засорение.

Проехали еще немного, машина окончательно замерла. Я стал отвертывать бензиновую трубку, руки коченеют на морозе. Стоим всего минут десять, а вода уже застывает. Владимир Ильич спрашивает:

— Как дела?

— Очень плохо, ехать невозможно.

— Ну как же быть?

Я посоветовал оставить автосани и отправиться на станцию Подсолнечная. Вероятно, пойдет какой-нибудь поезд в Москву, — мы и доберемся домой. Другого выхода не было.

— Да, это верно, — сказал Владимир Ильич, — пойдемте.

Мы решили зайти в местный Совет и узнать, будет ли еще сегодня поезд в Москву. Явились в Совет, разыскиваем председателя.

Первое время Владимира Ильича никто не узнавал. Но вот я заметил человека, который пристально смотрел то на портрет Ленина, то на Владимира Ильича.

Затем он стал шептать что-то на ухо другому товарищу. Они быстро ушли в соседнюю комнату. Стало ясно: Владимира Ильича узнали.

Вскоре в Совете началась суматоха. Кто-то пригласил Владимира Ильича в одну из комнат. Стало набираться много народу. Каждому хотелось взглянуть на Ленина, поговорить с ним. Многие из присутствовавших всячески старались чем-нибудь помочь нам, давали советы, как лучше и проще попасть в Москву. Владимир Ильич держался очень просто, со свойствен-

ной ему деликатностью благодарил за хлопоты и просил не беспокоиться.

Один из руководителей Совета предложил Владимиру Ильичу вызвать из Москвы специальный паровоз, доказывая, что это вернейший способ быстро вернуться домой. Владимир Ильич наотрез отказался:

— К чему же специальный паровоз? Совершенно лишнее. Доедем отлично и на товарном. Пожалуйста, не беспокойтесь, товарищи.

Мы вышли на улицу и в ожидании товарного поезда стали прохаживаться вдоль станции. Ветер стих, но мороз стал еще крепче. Кругом возвышались холмы снега — следы долго бушевавшей метели. На лице Владимира Ильича не было ни тени раздражения или недовольства: он попрежнему был спокоен, временами подшучивал. Неиссякаемая жизнерадостность не покидала его.

Вскоре прибыл товарный поезд. Состав небольшой — вагонов пятнадцать. Мы стали выбирать вагон, чтобы забраться в него. Я заметил, что товарищи из Совета что-то говорят начальнику станции. Тот повел нас к паровозу: рядом оказался вагон-теплушка, где помещаются обер-кондуктор и бригада.

Через минуту мы были в вагоне. Здесь было довольно тепло: печурка пылала вовсю. Мы разместились вокруг печки, Ленин — между мной и одним кондуктором.

— Да, — говорит Владимир Ильич улыбаясь, — путешествие с приключениями. Ну, да здесь не плохо — тепло. Отлично доедем. Все надо испытать.

Когда мы вошли в вагон, здесь было несколько человек — кондукторы и охрана. Но вот народу у вагона и в самой теплушке собирается все больше и боль-

ше. Оказывается, от кого-то узнали, что в теплушке Ленин, и все находившиеся в это время на станции хлынули к нашему вагону. Часть людей толпилась у открытых дверей, а кто посмелее — даже в вагон забрался.

Простояли мы на станции минут пятнадцать, пока паровоз запасался топливом и водой. Но вот паровоз прицеплен, в вагон входит обер-кондуктор, за ним — двое красноармейцев. Начальник станции дает сигнал отправления, и мы двигаемся в Москву. Поезд пошел, к удовольствию Владимира Ильича, очень быстро.

Через несколько минут один из красноармейцев обратился к Владимиру Ильичу:

— Товарищ Ленин, разрешите доложить...

Владимир Ильич поднял на него глаза и приветливо сказал:

— Пожалуйста, говорите, в чем дело. Садитесь рядом, товарищ, — и подвинулся, чтобы дать место красноармейцу.

Красноармеец присел на край скамьи и начал несмело свой рассказ, полный злоключений.

— Я являюсь начальником команды, сопровождающей этот поезд. Повезли из Риги в Москву медикаменты, двадцать вагонов. По дороге загорелись буксы, и мы растеряли несколько вагонов. Я настаивал, чтобы не отцепляли, а сделали перегрузку, потому что охрану на вагоны я оставить не могу. Продуктов у нас очень мало, и без смены люди пропадут на таком морозе...

Владимир Ильич насторожился, слушая красноармейца со все возрастающим вниманием.

— На мои слова никакого внимания не обращали,— продолжал начальник охраны, — отцепку сделали, и мне все-таки пришлось оставить людей для охраны

вагонов. Состав я приведу неполный и потому, наверное, попаду под суд. Посоветуйте, как мне поступить, товарищ Ленин?

Владимир Ильич выслушал очень серьезно, не перебивая, и, немного помолчав, сказал:

— Да, это удивительное безобразие. Такой груз, как медикаменты, для нас сейчас является большой ценностью. Все это надо строго расследовать. А вы, товарищ, не волнуйтесь, — под суд не пойдете. Как приедем в Москву, отправитесь со мной, я приму меры.

Поезд остановился у вокзала. Владимир Ильич в сопровождении красноармейцев отправился в Орточека при станции. Ленин постучал в окошечко, оно отворилось, и показался человек в военной форме — дежурный Орточека.

«Вот какой случай, товарищ...» — начал Владимир Ильич и рассказал, как по вине работников транспорта по пути в Москву застряло несколько вагонов с медикаментами. Изложив все подробно, он попросил предоставить красноармейцам помещение для отдыха и не беспокоить их до особого распоряжения.

Дежурный Орточека слушал и недоумевал: кто бы мог быть этот человек в штатском, дающий столь ответственные указания? Владимир Ильич понял недоумение дежурного и достал свой официальный пропуск Совнаркома.

— Я — Ленин, — сказал он дежурному, протягивая удостоверение.

Дежурный вытянулся:

— Слушаюсь, товарищ Ленин! Все будет исполнено.

Затем Владимир Ильич дружески распрощался с начальником охраны поезда, кивнул головой дежурному, и мы поехали в Кремль.

* * *

Однажды на охоте вблизи станции Фирсановка, где находился тогда дом отдыха «Тишина» (ныне санаторий «Мцыри»), нам встретился старик, собиравший грибы.

Владимир Ильич заинтересовался им, присел на траву рядом со стариком и завел беседу. Долго и тепло шел разговор вождя с незнакомым крестьянином. Старик был очарован собеседником.

— Говорят, Ленин какой-то у нас управляет. Вот, если бы он, тот Ленин, такой, как ты, был, — как хорошо бы было! — сказал он.

* * *

Даже в дни своей болезни Владимир Ильич, по свойственной ему подвижности, не бросал прогулок, катанья на лодке, игры в крокет или городки. Если встречался хороший партнер, Владимир Ильич с большим увлечением играл и в шахматы. Он был прекрасным шахматистом, в молодости очень любил шахматы, но в последние годы все же предпочитал физические развлечения, особенно охоту. Он считал, что отдыхом от умственной работы могут быть только физические развлечения на свежем воздухе. Он иногда говорил мне при встречах:

— Ничего, товарищ Гиль, скоро встану на ноги, поправлюсь, и тогда снова возьмемся за старое! А хорошо бы сейчас на тетеревов пойти! Правда?

Но Владимиру Ильичу больше никогда не пришлось уже охотиться...

СКРОМНЫЙ И ПРОСТОЙ

Владимир Ильич был категорически против личной охраны, торжественных встреч и всяческих чествований. Он никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчиненными был естественно прост.

Крестьяне-ходоки, приходившие к Ильичу за сотни, даже за тысячи, километров, волновавшиеся перед входом в кабинет Ленина, выходили от него ободренными, повеселевшими.

— До чего прост, до чего добр! — говорили ходоки. — Вот это — человек!

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмостки, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке.

В августе 1918 года я привез Владимира Ильича в Политехнический музей, где собрались на политический доклад красноармейцы. Кругом было шумно, народу было очень много.

У всех двенадцати входов стоят вооруженные люди. Перед центральным подъездом какой-то грозный матрос с карабином на плече и патронташем на груди проверяет пропуска и сдерживает толпу. Но сдерживать напор становится все труднее, люди ломятся в дверь, и на помощь матросу пришли красноармейцы.

В самый разгар этой катавасии к матросу с трудом пробрался скромно одетый гражданин в черной кепке, пытаясь что-то объяснить. Но голос его тонул в общем

хаосе. Матрос не удостаивал внимания настойчивого гражданина в кепке. Его, как и других, под напором толпы относило в сторону.

— Товарищи, пропустите меня! — во весь голос кричит гражданин, подпираемый с одной стороны толпой, а с другой — красноармейцами. — Разрешите пройти!

Матрос, наконец, обратил внимание на гражданина в кепке и крикнул ему:

— Вам куда? Профсоюзную книжку предъявите!

— Пропустите меня, пожалуйста, — твердит гражданин. — Я — Ленин.

Но голос Ленина тонет в шуме, внимание матроса уже устремлено в другую сторону. Один из красноармейцев все-таки расслышал имя и зычно произнес на ухо матросу:

— Да погоди ты! Знаешь, кто это? Ленин!

Матрос шарахнулся в сторону, и вмиг образовался проход. Владимир Ильич благополучно пробрался внутрь здания, где его нетерпеливо ждали фронтовики.

* * *

Для Владимира Ильича была очень характерна одна черта: полное отсутствие надменности, кичливости, высокомерия. Говорил ли он с наркомом, с крупным военачальником, с ученым или крестьянином из глухой сибирской деревни — всегда он оставался простым, естественным, по-человечески «обыкновенным». Его жесты, улыбка, шутки, задушевный тон — все мгновенно располагало к нему, устраняло натянутость и создавало атмосферу дружелюбия.

Владимир Ильич любил рассказывать потешные ис-

тории, особенно из далеких времен детства и периода эмиграции, но любил и слушать других. Слушая, он неожиданно задавал вопросы, вставлял шутливую фразу и заразительно смеялся.

Скрытным, замкнутым или неискренним никак нельзя было оставаться в присутствии Ленина, — проницательные, чуть прищуренные его глаза как бы срывали с вас завесу натянутости или скрытности, требуя откровенности и правды. Он был очень добрый и чуткий человек.

Был случай, когда я проезжал с Владимиром Ильичем по Мясницкой (сейчас Кировской) улице. Движение большое: трамваи, автомобили, пешеходы. Еду медленно, боюсь наскочить на кого-нибудь, все время даю гудки, волнуюсь. Вдруг вижу: Владимир Ильич открывает дверцу машины, на ходу добирается ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, садится рядом и успокаивает меня:

— Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все.

На даче, по утрам, когда я готовил машину к отъезду, Владимир Ильич часто помогал мне, и не советами, а делом, руками. Пока я возился у мотора, Ильич, стоя перед насосом, накачивал воздух в камеры, причем делал это энергично и с удовольствием.

Бывало в пути, где-нибудь на Каширском или другом шоссе, застрянет машина и приходится менять колесо или ковыряться в моторе. Владимир Ильич спокойно выходил из машины и, засучив рукава, помогал мне, как заправский рабочий. На мои просьбы не беспокоиться он отвечал шутками и продолжал свое дело.

В годы ожесточенной гражданской войны ощущалась острая нехватка горючего. Город Баку захватили

белые, начался «бензинный голод». Приходилось работать на скверном горючем — газолине, засорявшем мотор и приводившем к порче машины.

— Почему так часто останавливаемся? — спрашивал Владимир Ильич. — В чем дело?

— Беда, Владимир Ильич, — отвечал я. — Для машины необходимо легкое горючее, бензин, а пользуемся мы этой дрянью — газолином. Что поделаешь!

— Вот как! Как же выйти из положения? — и тут же прибавлял: — Придется потерпеть.

Когда Баку вновь стал советским, в Москву на имя председателя Совнаркома Ленина прибыла цистерна с отличным бензином. Узнав об этом сюрпризе, Владимир Ильич сказал:

— Прекрасно, товарищ Гиль, прекрасно! Но к чему нам столько бензина? Надо поделиться с другими.

И распорядился направить бензин в какую-то организацию, ведавшую горючим. Помещалась она в большом особняке на Кропоткинской улице.

* * *

Передо мною записка, написанная рукой Владимира Ильича в конце 1919 года: «Товарищ Гиль! Мне сказала тов. Фотиева *, что Рыков дал распоряжение сегодня же выдать вам и 4-м помощникам полушубки, валенки, рукавицы и шапки. Получили или нет? *Ленин*».

История этой записки такова. Владимир Ильич узнал, что, несмотря на зимнюю стужу, я и мои помощники по гаражу работаем без валенок, рукавиц и

---

* Л. А. Фотиева — секретарь В. И. Ленина.

прочего. Он не мог пройти мимо этого факта и позаботился о каждом из нас.

Чуткая и отзывчивая натура Ильича не мирилась с невниманием или пренебрежением к человеку. Не помню случая, когда бы он не заметил чьего-либо несчастья, огорчения или удрученного состояния, когда бы Ильич не откликнулся на просьбу, недовольство или требование. Он иногда обращался ко мне со словами:

— Что с вами, Гиль? Вижу, вы сегодня чем-то озабочены. Нет, нет, батенька, не отпирайтесь, вы чем-то встревожены! Правда ведь?

Разве после таких слов скроешь или утаишь что-нибудь?

Познакомившись однажды с моей женой, он время от времени осведомлялся о ней, справлялся о нашем малыше Мишутке. В дни, когда я возил Владимира Ильича за город, на воскресный отдых, он иногда обращался ко мне:

— Почему же вы, товарищ Гиль, жену не захватили? Обязательно в следующий раз пригласите и ее!

Надежда Константиновна была такой же простой и сердечной в обращении с людьми, как и Ильич. По пути за город она всегда расспрашивала мою жену о ее работе в кремлевском кооперативе, о жилищных условиях, о родных, оставшихся в Петрограде.

Относясь с удивительной чуткостью и отзывчивостью к нуждам товарищей, всячески стремясь улучшить условия их труда и жизни, сам Владимир Ильич в то же время был поразительно скромен и нетребователен.

Помню следующее. Когда Советское правительство переезжало из Петрограда в Москву, Ленину предло-

жили просторную и удобную квартиру. Но он отклонил это предложение и поселился в маленькой квартирке с невысокими потолками, крохотными комнатками и самой простой мебелью.

Запомнилось и другое: один из директоров подмосковных совхозов вздумал в дни болезни Владимира Ильича прислать ему фрукты. Владимир Ильич в пух и прах разнес «услужливого» директора, а фрукты приказал тотчас же отправить в детский санаторий.

Скромность Владимира Ильича была не напускная, не искусственная, а природная, идущая от сердца. В 1921 году, в Кремле, я был свидетелем следующего эпизода. Дело происходило в кремлевской парикмахерской. Несколько человек ждало своей очереди. Неожиданно вошел Ленин, спросил, кто последний, и скромно присел на стул. Он достал из кармана журнал и углубился в чтение. Кресло освободилось, и Ильичу предложили занять место вне очереди.

— Нет-нет, товарищи, благодарю вас, — сказал Владимир Ильич, — мы должны соблюдать очередь. Ведь мы сами установили этот порядок. Я подожду.

Ужасно не любил Владимир Ильич чрезмерного внимания к своей персоне, не выносил низкопоклонства или угодничества. Он не любил, когда его величали, называли «великим», «гениальным». Он морщился и отмахивался рукой, когда на митингах или собраниях его начинали возвеличивать, устраивать ему овации. Он попросту запрещал прибавлять к своему имени какие-либо эпитеты или титулы.

— Что, что? — насмешливо останавливал он своего собеседника, называвшего его «товарищ председнаркома». — К чему так пышно, голубчик? Называйте-

ка вы меня по фамилии или по имени-отчеству. Ведь это куда проще! — и добродушно смеялся.

* * *

Одной из замечательных черт Ленина была любовь к детям. Она проявлялась у Владимира Ильича по-особенному, как у людей очень мужественных и нежных.

Помню эпизод, свидетелем которого я был еще в тот период, когда столица только что созданного Советского государства находилась в Петрограде.

Война все забрала до последней крошки. Огромный город был охвачен безработицей и голодом. Надвигалась суровая, безжалостная зима. Голодали не только рядовые жители, но и руководители государства. Завтрак Владимира Ильича нередко состоял из стакана чая без сахара и небольшого ломтика черного хлеба.

Смольный в те дни охранялся вооруженными рабочими и матросами. Группа женщин-работниц подошла к одному из подъездов Смольного и требовала пропустить их к Ленину.

— Дети голодают, — говорили они, — а нам ехать в Сибирь. Не доберемся, по пути погибнем. Пропустите, пожалуйста!

Но охрана не пускала их внутрь здания. Неожиданно появился небольшого роста мужчина в черном пальто с шалевым воротником и в шапке-ушанке, остановился, прислушался и негромко сказал старшему из охраны:

— Пропустите их.

Велико было изумление женщин-просительниц, когда в приемную вошел тот же человек, но уже без пальто и шапки, и сказал:

— Я — Ленин. Вы ко мне, кажется?

Одна женщина заплакала:

— Еду я в Сибирь... Пятеро детей... Молока бы!

— Вам не отпускают? — спросил Ильич.

— Отпустили одну банку сгущенного молока, а ехать-то целых три недели...

Владимир Ильич обратился к другим:

— Вы тоже по этому делу?

Женщины подтвердили. Тогда Ленин подошел к телефону, позвонил и приказал выдать каждой из женщин по пять банок сгущенного молока. Женщины были растроганы. Ведь сам Ленин распорядился выдать им молоко!

Владимир Ильич пожелал женщинам счастливой дороги и ушел в свой кабинет.

После одного из выступлений Ленина на фабрике «Трехгорная мануфактура» дети рабочих этой фабрики выступили с декламацией и революционными песнями. Ильич внимательно и с удовольствием слушал их. После «концерта» Ленин задержался в фабричном клубе и долго беседовал с работницами, отвечая на многочисленные вопросы.

Один из малышей, лет шести-семи, не больше, подошел к Владимиру Ильичу и сказал:

— Дядя Ленин, я тоже большевик и коммунист!

Владимир Ильич расхохотался, взял ребенка на руки и воскликнул:

— Вот какие у нас растут замечательные люди! Только ходить научился, а уже коммунист!

Владимир Ильич, загруженный государственными делами, находил время осведомляться, обеспечены ли московские дети молоком и овощами.

Когда подмосковный совхоз «Лесные поляны» стал снабжать московские больницы и детские учреждения

молоком и другими продуктами, Владимир Ильич говорил, что местные власти действуют правильно, что эту систему надо поддерживать и развивать, что вокруг Москвы следует организовать кольцо таких крупных государственных хозяйств — они должны «залить молоком» московскую детвору.

В последние годы жизни Ленина на его имя часто прибывали продуктовые посылки из разных городов и деревень. Домашняя работница Ленина, Саня Сысоева, обычно докладывала:

— Владимир Ильич, опять посылка с продуктами на ваше имя. Принять?

— Принять, обязательно принять, — отвечал Ильич, — и немедленно, Саня, отправьте в ясли или в детскую больницу. Не забудете?

И на следующий день по обыкновению справлялся:

— Ну, как, Санечка, отправили посылку?

Однажды рыбаки с Волги привезли Ильичу осетра. Саня обрадовалась, принялась резать рыбу.

— Вот хорошо, — говорила она, — на несколько дней хватит. А то впроголодь живет наш Владимир Ильич.

Вдруг на кухню вошел Ильич и заметил рыбу.

— Прекрасная рыба! — воскликнул он. — А откуда она?

И когда узнал, что это рыбаки в подарок ему привезли, строго сказал Сане:

— Вы забыли, должно быть, мою просьбу: никаких подарков не принимать! А эту рыбу заверните и немедленно отправьте в детский дом!

— Владимир Ильич, но ведь и вам есть надо! Работаете сколько, а питаетесь — хуже некуда!

— Ну вот еще! Дети кругом голодают, а вы меня осетриной потчевать вздумали. Сегодня же отправьте детям!

Каждому, кто знал Ленина, бросалось в глаза его какое-то совсем особенное, внимательное и очень серьезное, отношение к детям.

В Горках я часто видел Владимира Ильича гуляющим со своим маленьким племянником Витей, сыном Дмитрия Ильича Ульянова. Он разговаривал с ним, как со взрослым, заставлял его вслух читать стихи и рассказывать сказки. Ильич заразительно хохотал, слушая шестилетнего мальчугана.

Точно так же Ленин «дружил» с маленькой дочкой дворничихи — Верочкой, жившей в Тарасовке, на даче у Бонч-Бруевича. «Дружба» была самая задушевная; Верочка всегда радостно встречала «дядю Володю», подолгу гуляла с ним и всегда что-то подробно рассказывала. А Ильич, держа ее за руку, сосредоточенно слушал, временами хмурил брови, временами весело хохотал.

Владимир Ильич всю жизнь был большим и искренним другом детей — он любил их, понимал и верил в них.

В ГОРКАХ

Последние годы жизни Владимира Ильича были тесно связаны с подмосковным селом Горки. Злодейское покушение на жизнь Ильича в августе 1918 года и исключительно напряженная работа подорвали его здоровье. По настоянию врачей Ленин вынужден был выехать за город.

В конце сентября того же года Владимир Ильич впервые приехал в усадьбу Горки. А начиная с зимы 1921 года он особенно часто приезжал сюда отдыхать и работать.

Помню, в Горках часто играли в городки. Владимир Ильич любил эту бесхитростную и веселую игру и всегда охотно присоединялся к играющим. Играл он с оживлением. Неумело играющих он добродушно распекал:

— Какие же вы игроки! Я вот только что начал играть и всех обыгрываю! Не стыдно?

Рабочим, плохо играющим в городки, он выговаривал:

— Какие же вы пролетарии, разве пролетарии так бьют?

За этим следовали меткий удар Владимира Ильича и его слова:

— Вот как бейте!

Владимир Ильич был искренно рад своим успехам и весело смеялся, когда удар бывал особенно удачным. Одному рабочему-строителю он как-то сказал с усмешкой:

— За этакую игру я перевожу вас в мастера второй руки!

Если ехать по Каширскому шоссе из Москвы в сторону реки Пахры, то на стене домика, что с левой стороны Колхозной улицы деревни Горки, можно видеть мраморную доску со словами: «В. И. Ленин выступал в этом доме 9 января 1921 года на собрании крестьян деревни Горки».

То был тяжелый год. Молодая республика Советов, отразив нашествие бесчисленных полчищ белогвардейцев и интервентов, выходила из гражданской войны

с расстроенным народным хозяйством. Не хватало хлеба, соли, горючего, товаров широкого потребления.

Крестьяне деревни Горки пригласили к себе Владимира Ильича побеседовать с ними о делах государственных и о своих нуждах.

— Что ж, с удовольствием! — ответил Владимир Ильич, выслушав крестьян, пришедших к нему с приглашением. — Если завтра не буду занят, то ждите вечерком, часиков в шесть.

Крестьяне решили созвать собрание в избе Василия Шульгина. В сумерки собралось более ста человек. Как говорится, яблоку было негде упасть. Узнав, что будет выступать Ленин, в Горки пришли и жители соседних деревень. Меня, естественно, тоже интересовало это собрание, и я отправился в избу Шульгина.

К шести часам Владимир Ильич пришел сюда вместе с Надеждой Константиновной, и собрание началось. Ильич говорил тихо, подчеркивая особо важные места своей речи энергичным взмахом руки или же легким постукиванием ладони о стол.

Люди слушали вождя, затаив дыхание. Владимир Ильич, как я помню, говорил примерно следующее:

— Вот покончим с войной и наладим такую жизнь, которая и не снилась нашим отцам. Навсегда исчезнут батрачество, нищета, бескультурье. Уйдут в прошлое лапти, лучина, эпидемические болезни и прочее. Нужно только отстоять советскую власть от врагов — вот в чем наша главнейшая задача!

На этом собрании Владимир Ильич обратил внимание, что в Горках нет электричества. Не пора ли, сказал он, уже теперь бросить освещать избы лучиной. Ток для деревни могла бы дать расположенная невдалеке совхозная электростанция.

— Чем сумею, помогу вам, — сказал Ильич собравшимся крестьянам и осведомился: нет ли у кого вопросов?

Было задано много вопросов, и Ленин отвечал на них охотно. Собрание закончилось поздно.

Через некоторое время в домах Горок появилось электрическое освещение.

* * *

В Горках, возле дома, где жил Владимир Ильич, расположен густой и красивый парк с аллеями и небольшими площадками. В конце одной аллеи, по бокам, росли две огромные и очень толстые ели. Они стояли здесь, видимо, много десятков лет, возвышаясь над всем парком.

С первых же дней жизни в Горках Владимир Ильич обратил внимание на эти гигантские деревья и часто любовался их высотой и стройностью.

— Вот это деревья! — восхищался он. — Просто чудо!

В один из летних вечеров 1919 года мы приехали из Кремля в Горки. Владимир Ильич вышел из автомобиля и стал по обыкновению прохаживаться по аллеям парка. Он дышал полной грудью, наслаждаясь тишиной и запахом елей и сосен. Прогулявшись, он присел на скамью и откинулся на спинку. Я сел рядом. Владимир Ильич расспрашивал меня о чем-то. Вдруг он замолк, взгляд его устремился вдаль. Я посмотрел в ту же сторону, но ничего не увидел. Владимир Ильич сказал:

— Посмотрите, Гиль, где же другая елка?

В конце аллеи стояла только одна осиротевшая ель. Второй не было. Вместо нее зиял просвет. Я удивился: ведь только несколько дней назад, в наш прошлый приезд в Горки, стояли оба дерева!

Мы быстро направились в конец аллеи и убедились, что дерево недавно срублено. Остался мощный пень, свежий и пахучий. Владимир Ильич с минуту стоял молча, затем заговорил возмущенно:

— Это же анархия! Кто смел это сделать? Надо выяснить, чьих рук это дело. Мы этого так не оставим...

Выяснилось, что только два дня назад комендант дома в Горках распорядился срубить одну из елей. Она показалась ему иссохшей и ненужной.

Я рассказал об этом Владимиру Ильичу. Он, подумав, сказал:

— Его следовало бы хорошенько наказать!

И ретивый комендант получил крепкую нахлобучку.

Владимир Ильич очень бережно относился к живой природе, старался привить такое же отношение к ней и окружавшим его людям. С большой нетерпимостью реагировал он на порчу и уничтожение природных богатств.

Однажды вечером в субботу Владимир Ильич позвал меня к себе.

— Вот что, товарищ Гиль, — сказал он, рассматривая карту. — Мы бывали в Сокольниках, но ничего, кроме парка, не видели. Следовало бы посмотреть это место. Поедем?

На следующее утро мы двинулись в Сокольники. С нами поехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Мы осмотрели Сокольнический парк, часто останавливались. Владимир Ильич выходил из машины, прогуливался, интересовался всякой мелочью. Из парка мы направились в сторону фабрики «Богатырь». Перед нами открылся чудесный вид: по обе стороны, на некотором возвышении, раскинулся густой лес. Зеленые сосны и белые березы выглядели особенно красиво в это солнечное утро. Всем очень понравилась местность. Было решено приехать сюда и в будущее воскресенье.

Следующее посещение Сокольников было омрачено одним обстоятельством. Миновав «Богатырь» и очутившись в прекрасном густом и благоухающем лесу, Владимир Ильич обратил внимание на пни недавно спиленных сосен и берез.

Выйдя из машины и углубившись в лес, мы увидели еще много срубленных деревьев, штабели наколотых дров, а затем и самих дровосеков. Никем не стесняемые, они рубили лес. Владимир Ильич заговорил с ними и узнал, что «Богатырь», которому не хватает топлива, посылает людей для рубки леса. По примеру «Богатыря» население Сокольников также рубит лес, заготовляя на зиму топливо.

Это бесчинство глубоко возмутило Владимира Ильича.

— Какое безобразие! — говорил он. — Расхищают и уничтожают такой лес! Надо покончить с этим.

Владимир Ильич несколько раз в тот день заговаривал о происходящей в лесах вакханалии.

— Вырубят лес, а затем что? Где же будет отдыхать население? Уничтожить просто и легко, а когда мы вырастим его снова?

Вечером Владимир Ильич сказал мне:

— Вот что, товарищ Гиль, завтра вы напомните мне об этой истории. Надо принять меры!

Владимир Ильич часто просил меня, чтобы я напоминал ему о деле, возникшем во время какой-либо из его поездок.

На следующий день Владимир Ильич отдал распоряжение: немедленно прекратить уничтожение деревьев в Сокольниках и организовать охрану всех лесов и парков.

Вскоре был подписан декрет о строжайшей охране пригородных лесов в тридцативерстной полосе вокруг Москвы.

Декрет Ленина спас от уничтожения много наших замечательных парков и лесов.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Был лунный прозрачный вечер. Жестокий мороз расцветил окна. С утра намело много снегу, на улицах лежали сугробы. Ничто не предвещало несчастья.

Вдруг в комнату, где я находился, вошел мой помощник и застыл у двери. Он был бледен, руки у него заметно дрожали. У меня в груди что-то ёкнуло, я насторожился. Прерывистым голосом, почти шопотом, он произнес:

— Ленин скончался...

У меня вырвался крик:

— Что? Когда скончался? Ну говори же!

Я выбежал из дому и поехал в Горки. По дороге все время сверлила мысль: «Неужели вправду умер? Неужели конец?»

Приближаюсь к дому, где несколько лет прожил Владимир Ильич. Колоннада уже увита черно-красными полотнищами. Чья-то заботливая рука разбросала у фасада цветы. На белоснежном фоне они ярко выделяются. Я вспоминаю, как любил Владимир Ильич зиму, снег, как любил он парк за домом, реку, зимние вечера... Все это есть, существует, а Владимира Ильича уже нет. Умер!..

В притихших комнатах полутемно и тихо. Окна и зеркала завешены черным крепом. Люди говорят вполголоса. Навстречу — Надежда Константиновна, тихая, печальная. Безмолвно ходят врачи и сиделки.

Пройдя две-три полутемных комнаты, я очутился в небольшом зале, где на столе посреди комнаты лежал Владимир Ильич. Стол утопал в цветах и зелени. Балкон открыт, в комнате холодно. Я приблизился к столу.

Владимир Ильич...

Он лежал спокойный, мало изменившийся. Никаких признаков страдания. Неужели умер?..

В голове проносятся воспоминания. Петроград, Смольный, митинги... Затем Москва, Кремль, прогулки, событие на заводе Михельсона, охота в лесу, его смех и шутки... И вот теперь он лежит навеки притихший, сердце его уже не бьется. Никогда не услышать мне больше его обаятельного смеха, его немного гортанного голоса, его «товарищ Гиль», «ну, пока».

В комнате толпятся люди. Говорят шопотом. Тихие, скрытые вздохи Марии Ильиничны, Анны Ильиничны, Надежды Константиновны.

Молчание длится долго. Все стоят, не отрывая глаз от лица Владимира Ильича. Затем вышли в другую

комнату. Пошли безмолвно, понуро, тихо. Комната опустела.

В другой комнате врачи во главе с Семашко составляли акт о болезни и смерти Владимира Ильича. Кто-то заговорил о вскрытии.

Время близилось к полуночи. Пора было возвращаться в Москву. Все присутствовавшие вновь потянулись к Владимиру Ильичу, вновь окружили его тесным кольцом и долго не могли оторваться, покинуть комнату.

В Москве еще почти никто не знал о смерти Владимира Ильича. К утру о смерти Ленина узнала не только вся Москва, но и весь мир. Начался великий траур.

Раздались тревожные гудки на фабриках и заводах. Повсюду организовывались митинги. Работа приостановилась. Знаки траура и печали стали появляться на домах, площадях, трамваях, предприятиях.

Все улицы Москвы стали быстро заполняться народом. Огромные массы людей стояли на улицах. Все говорили о смерти Ленина. Газеты и листовки переходили из рук в руки. Всюду слышалось одно: «Скончался Ленин...»

Разнеслась весть о том, что тело Владимира Ильича будет перевезено в Москву и гроб с телом будет поставлен для прощания с ним народа в Колонном зале Дома союзов.

К Павелецкому вокзалу, куда должен был прибыть поезд с телом Ленина, потянулись московские жители, многочисленные делегации.

Мне было поручено получить гроб в похоронном бюро и доставить в Горки. Тяжело было выполнять

такое поручение, тяжело было привыкнуть к мысли, что Владимира Ильича уже нет в живых...

У автосаней и вокруг похоронного бюро собралась огромная толпа. Ко мне подходили незнакомые люди и настойчиво просили разрешить им сопровождать гроб до Горок. Кое-кто самовольно втиснулся в сани, приютился за гробом.

23 января. Москва в трауре. Весь город взволнованно шумел. С раннего утра население Москвы стало собираться у Павелецкого вокзала и по пути следования похоронной процессии до Дома союзов.

Мороз крепчал, жег и щипал лицо. Но холод не действовал на людей. Вся Москва была на улице.

Траурный поезд доставил гроб с телом Владимира Ильича в Москву. У вокзальной площади, на перроне и на улицах — сотни тысяч людей. Оркестр траурным маршем возвестил о прибытии поезда. Несмотря на лютый мороз, все обнажили головы. Даже дети.

Ближайшие друзья, соратники и родные Владимира Ильича несут гроб.

Вот и Дом союзов. В огромном траурном зале установлен на постаменте гроб с телом Владимира Ильича Ленина.

В семь часов вечера был открыт доступ для прощания с телом. Двери настежь. Бесконечной многотысячной вереницей тянется народ в зал, чтобы в последний раз взглянуть на черты дорогого Владимира Ильича.

В почетном карауле родные и близкие покойного. Стоят заводские рабочие, военные, крестьяне, студенты.

Я не отрываю глаз от его лица, и в памяти воскресают первые встречи с ним, его слова, задушевный смех, неиссякаемая жизнерадостность...

Ночь не успокоила Москву. Несмотря на жестокий тридцатипятиградусный мороз, улицы запружены народом. Все идут к Дому союзов. Очередь с каждым часом становится все длиннее. Повсюду пылают огромные костры.

Трое суток продолжается прощание народа со своим вождем. Беспрерывными потоками идут люди. Идут из центра, с окраин Москвы. Приезжают из ближних и дальних городов и сел. С вокзалов движутся делегации с венками.

Приближается час расставания. Мавзолей на Красной площади уже готов. Ровно в четыре часа дня подняли гроб, чтобы нести в Мавзолей.

Грянул пушечный салют, загремели ружейные залпы.

В эти минуты вся жизнь необъятной страны остановилась. Движение на улицах, железных дорогах, на морях и реках, работа в шахтах, на заводах и в учреждениях — все замерло.

Миллионы людей обнажили головы...

Москва. 1945—1956 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
От автора 5
Первое рукопожатие 7
Покушение на В. И. Ленина 13
Среди красноармейцев, рабочих и крестьян . . 34
Приезд А. М. Горького 49
Ленин среди родных 53
Владимир Ильич на досуге 59
Скромный и простой 83
В Горках 92
В последний путь 98

Гиль Степан Казимирович

ШЕСТЬ ЛЕТ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Редактор *З. Коновалова*
Оформление художника *Н. Зикеева*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *С. Попова*

* * *

Подп. к печати с матриц 18/VI 1957 г.
Бумага 70 × 108¹/₃₂ = 1,63 бум. л. =
=4,45 печ. л.+4 вклейки. Уч.-изд. л. 4.
Заказ 1424. Тираж 100 000 экз.
Цена 1 р. 40 к.

* * *

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.